

А.В. Манин-Уралец

Героика. Социализма исторический закон. Том 3

А.В. Манин-Уралец

Героика. Социализма

исторический закон. Том 3

<https://litres.ru/74070488>

SelfPub; 2026

Аннотация

Том 3 «Героика. Социализма исторический закон» - это часть фундаментального историко-философского труда «Энергия социализма: 100 лет генерации труда» издания 2023 года ВОО Героев, лауреатов Государственных премий и кавалеров государственных наград «Трудовая доблесть России», включающее в себя наставнический методико-методологический курс познания истинной природы социально-трудовых явлений советской эпохи 1917-1991 годов в энергетике закономерностей и законов, формирующих и движущих систему социализма до распада Союза ССР. Генерация труда в поле социально-культурных запросов общества рассматривается сквозь историческую призму становления и развития производительных сил и использования ресурсов промышленности со времен царской эпохи с продолжением ее в советской и современной действительности. Главным двигателем социализма 1917-1991 гг. автором рассматривается Исторический общесоциологический

закон Исторического потенциала советского промышленного предприятия (предприятия СССР).

А.В. Манин-Уралец

Героика. Социализма

исторический закон. Том 3

Том 3 «Героика. Социализма исторический закон» - это часть 5 крупного фундаментального труда, изданного в 2023 году, «Энергия социализма: 100 лет генерации труда». (Наставнический семинар выявления, обобщения и аналитики закономерностей общесоциологического Закона исторического потенциала промышленных предприятий СССР - ключа к познанию истин социально-трудовых явлений эпохи социализма советского типа 1917-1991 гг.)

Общее издание «Энергия социализма: 100 лет генерации труда» включило в себя наставнический методико-методологический курс познания истинной природы социально-трудовых явлений советской эпохи 1917-1991 годов в энергетике закономерностей и законов, формирующих и движущих систему социализма советского типа от начала его рождения до момента распада Союза ССР. Генерация труда в энергетическом поле социально-культурных запросов общества рассматривается сквозь историческую призму становления и развития производительных сил и использования ресурсов промышленности со времен царской эпо-

хи с продолжением ее в советской и современной действительности. Созданию общей методологии и методики выдачи мгновенных точных ответов по вопросам социально-трудовых явлений в XX в. послужили самые легитимные исторические источники – многие тысячи архивных документов и написанные десятки трудов историй промышленных предприятий, давшие в обобщении и анализе эффективные инструментарины познания социальных истин в объектах и предметах исторического, социологического, философского и иных исследований. С социально-психологическим подходом вскрыты и указаны закономерности рождения социально-трудовых явлений во власти «советского рабочего права» и главный движитель социализма советского образца: «Закон исторического потенциала советского промышленного предприятия» – производство и воспроизводство наряду с выпуском продукции параллельно развитой социально-бытовой сферы с генерацией роста социально-культурных мегаполисов, зарождения городов и промышленных регионов.

Издание явилось дополнением к ряду других авторских литературных трудов, составивших в целом курс источниковедческих методик составления словарно-энциклопедических справочников из залежавшихся без дела архивных материалов, неизданных рукописей общественных организаций, подготовки словарей-гlossариев социально-трудовых явлений минувших эпох. Главными из учебных пособий являются: капитальные труды «Истина нас наконец нашла. -

История Москвы и Московской области в историях заводов»; двухтомный «Словарь-гlossарий 10 000 слов, устойчивых выражений, смыслов и понятий эпохи СССР»; подготовленная в рамках деятельности Всероссийской общественной организацией Героев, Кавалеров Государственных наград и Лауреатов Государственных премий отдельная серия наставнической методической литературы, в т. ч. новый капитальный труд организации «Величие личности труда: Словарь-Энциклопедия деятельности ВОО «Трудовая доблесть России».

Часть 5

Эпистемологический подход к выявлению системных признаков
советского рабочего права общесоциологического Закона
(исторического потенциала советского промышленного предприятия)

Глава 1

Тезисы к историографии трудового права, психологии
труда и социологии

Самое важное и необходимое в общественной науке, в частности в истории, заключается в том, чтобы приобрести

навык подходить правильно к анализу общественных явлений, - отмечают авторы теорий эпистемологии, - и при этом – «не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений,- самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, - это не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в свое развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь». (11).

В современной философской литературе широко употребляется термин «историческая эпистемология для обозначения всего круга проблем, связанных с изучением специфики исторического познания вообще и исторической науки как его высшей стадии в особенности».(12). «Мы считаем, данное терминологическое обозначение и его определение весьма важным для анализа структуры исторического знания и выделения оптимальных критериев объяснения истории с позиции методологической основательности этого знания. Дело в том, что в настоящее время существует большое множество теорий объяснения истории или, по крайней мере, претендующих на это, и возникла острая необходимость разобраться в сложившейся системе мнений и позиций. Историческая эпистемология в данном аспекте может быть новым качественным уровнем теории исторического познания и способствовать согласованной выработке ви-

дения мира и мышления о нем как о едином целом».

По А. И. Ракитову, эпистемологический подход состоит в исследовании концептуальной стороны, анализе объективных условий и когнитивных структур, подготавливающих возникновение исторического познания, включая в задачу эпистемологии выявление объективного статуса исторического интереса, исследование структурных и содержательных сторон исторического познания, обеспечивающих приближение к достижению исторической истины. (13). «То есть историческая эпистемология прежде всего исследует условия, при которых утверждения являются обоснованными...

Объектом исторической эпистемологии является не собственно исторический процесс, ход развития истории общества, а знание об этом процессе. Введение понятия «историческая эпистемология» позволяет... попытаться снять дилемму в трактовке исторического знания со стороны позитивистов и неокантианцев, выработать критерии формирования исторической картины мира и создания фундаментальной научной теории в создании этой картины.

В этой связи мы должны адресовать, не в последнюю очередь самому себе (А. В. Манин-Уралец), а также всем, кто верит в существование «точных» законов в «не точной науке» истории, можно ли вообще трактовать период социализма, как «точный» исторический процесс и – в таком случае – можно ли вообще предъявлять в исследованиях этот период историческим процессом, не указав при этом и на «точ-

ный» исторический закон? Но чтобы ответить на этот вопрос исследователю, как минимум, необходимо быть знакомым с «минимумом» «эпистемологической археографии» по этому вопросу.

И в то же самое время постараться «примирить» стороны, признающие «точные» исторические законы в истории, исторические законы в исторических исследованиях, тех, кто признает исторические законы только если они, - например, согласно Н. И. Кареву в «Историологии», - имеют те же задачи, что и задачи других наук.

И – тех (А. В. Манин-Уралец), кто начинает приравнивать историческую науку или же часть ее – к «точной» науке, способной опираться на «точные» исторические законы и, вообще, законы мироздания – от «атома сущего» в физической природе до «атома сущего» в гуманитарной природе, а также законы, связывающие одно с другим. И при том быть почти уверенными, что «точные» законы истории становятся инструментами для решения «точных» задач прогнозного характера, точно также, как ими становятся открытия в области точных наук. Не исключая и того, что те или иные законы в одной среде могут действовать, а в другой нет – и при этом однажды зафиксированный в определенной среде закон все же остается законом: ряд исчезнувших, но успевших объяснить плеяду явлений и процессов, законов приведут к необходимости выявления более глубокого, более уточненного или же наиболее «точного» нового закона.

Это неизбежно примирит большую часть советских и современных «антагонистов» историков, переложивших оставшийся ресурс своих сил на решение более глубоких, объединяющих все человечество острых «точных» задач. Например: попробовать решить задачу прогнозного характера: в каком мире будут жить все народы мира через сто лет, будет ли они иметь государственные границы, исчезнет ли к тому времени исторический потенциал, ведущий народы от войны к войне?

При том, что в качестве «колышка» мы забьем простейшую гипотезу: любой властитель, вождь, властитель обязан защищать себя и народ и, значит, обязан иметь дружину, армию, и чем выше он себя ценит, тем крупнее нужна дружина и армия; их надо кормить, и, значит, надо захватывать все вокруг, что «плохо лежит»; став сильнее, богаче, вождь и властитель нуждается в еще большей гвардии и большей армии, в войнах. И так далее, до бесконечности, учитывая и то, что тем, «что плохо лежит» для кого-то более сильного рано или поздно становится освоенный (в т.ч. завоеванный) ареал любого вождя и властителя.

Мы, как методисты «точных» исторических наук, задаемся вопросом: в какое именно время будет исчерпан, наконец, этот ресурс войны, и что остается в нем при рассмотрении его полного исторического в ретроспективе и до сегодняшнего дня – потенциала?

В данном исследовании, разумеется, мы рассматриваем

ресурсы социализма, его исторический потенциал и пытаемся прогнозировать: есть ли в советском социализме нечто такое, без чего, все же, в будущем будет никак не обойтись? И если есть, - то мы обязаны «в точности» указать на этот ресурс, чем только, вообще, и можем оправдать свои попытки позиционироваться как профессиональными историками-позитивистами.

Последовательно используя эпистемологический подход к раскрытию проблемы для ее решения в данном исследовании, мы позволяем себе использовать в качестве опоры доказательной базы источники археографии определенных авторов, а также и тех авторов, на которых указывают в своих исследованиях те, археографический источник которых нами берется вначале за основу. Это намного упрощает путь к конечной цели, когда на пути к доказательству «своей личной» истины мы признаем, что нам может очень помочь и чья-то «другая личная» истина. Тем более, когда, рассматривая обе точки зрения, мы легче замечаем и начинаем критиковать, с нашей точки зрения, «заблуждение» одного автора при критике им «заблуждений» анализируемого им оппонента – автора другого историографического источника, с которым наш критик может быть в чем-то не согласен, а мы, как раз (в данном случае) - согласны.

Или наоборот: мы можем не согласиться с тем, что хва-

лит у своего оппонента наш автор, чьим источником мы воспользовались в первую очередь.

Но, разумеется, в таком случае надо постараться избрать в качестве объекта исследования хотя бы один наиболее значимый и широко известный научной исторической общественности источник.

Один из исследователей методологии раскрытия исторических закономерностей (читаем - и исторических процессов) Ю. Л. Халтурин отмечает: «Проблема исторического закона и исторических закономерностей является одной из центральных методологических проблем истории. /2003 г., в очерке понимания проблемы исторических законов/. С одной стороны, закон является принципом объединения и связи фактов, т. е. принципом всякого научного познания. С последующей стороны, именно поэтому проблема исторического закона наиболее остро ставит вопрос о природе исторического знания: является ли оно знанием общего, постоянного, необходимого, объективного, либо его специфика заключается в познании единичного, уникального, случайного, субъективного. Первый вариант решения является позитивистским, второй – антипозитивистским».

Представляется очень интересным исследование проблемы выявления исторического закона и доказательство его закономерности с антипозитивистских позиций, требующих, согласно одному из представителей антипозитивистской методологии в России Н. И. Кареву, не признавать понятия ис-

торического закона, если он не имеет те же задачи, что и задачи других наук.

«По Н. И. Карееву,- отмечает Ю. Л. Халтурин,- существует два типа связи между событиями и условиями – закон и фактическая ситуация. /Кареев Н. И. Историология. Пг., 1915. С. 37/. ...Историческая наука суть наука феноменологическая, т. е. изучающая факты, явления и связи, закон же является главной категорией номологических наук. В чем же конкретно заключается отличие факта и закона, а следовательно и двух типов наук? Формулировка закона возможна лишь в том случае, если он опирается на явления, обладающие характеристиками повторяемости, однородности, неизменяемости и постоянности связей и отношений.

Последние могут быть двух типов: часть – целое (отношение одновременности, строения и структуры) и факт (момент) – процесс (отношение последовательности). Последовательность может быть казуальной (связь событий как причин и следствий) и эволюционной (связь состояний, их видов, форм, фаз, стадий, этапов) /См.: Кареев Н. И. Общие основы социологии. – Пг., 1919. С.6-7; Он же. Историология. С. 43/ Однако, исторические факты, на основе которых формируются исторические обобщения, отличаются характеристиками индивидуальности, единственности и неповторяемости, т. е. не могут служить основанием для обобщений в виде законов.

Однако специфичны не только основания исторического

обобщения, но и его роль в познании. В номологических науках общее и закономерное является целью и предметом исследования, в исторических же – лишь средством или стадией: предметом истории является не двучлен причина-следствие, объясняемый универсальным законом, а многочлен, представляющий собой пересечение, комбинацию множества закономерных связей в единичных определенных условиях, т. е. исторический факт, как его понимает Кареев. Закон как единица познания предполагает, что события и процессы разлагаются, анализируются на отдельные повторяющиеся элементы с помощью метода дедукции, а затем комбинируются /См.: Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. МПб, 1887. С. 18; Он же. Общие основы социологии.- СПб, 1914. С.257/. Факт как единица познания предполагает прямо противоположное: события и процессы, уже состоящие из множества элементов, здесь синтезируются в общий образ истории с помощью метода индукции».

Но если сам закон и есть цель и предмет исторического исследования, и именно он, как единица познания требует, чтобы события и процессы разлагались, анализировались на отдельные повторяющиеся элементы, а затем комбинировались? И в этом историческом законе – всего лишь двучлен причина-следствие? И потом, согласно тому же Карееву, даже казуальные связи, относящиеся к прагматическим фактам, «также не являются закономерными и не поддаются анализу, дедукции, прогнозированию, т. к. представляют связи

поступка и поступка, поступка и мотива, поступка и среды, образца и подражания, приказа и реакции. Хотя и возможно сформулировать некие общие законы, объясняющие эти связи, они будут носить лишь гипотетический характер, т. к. отсутствует возможность их проверки, верификации (ибо в каждом отдельном случае комбинация элементов в конкретных условиях необъяснима и непредсказуема). Подобно тому, как явления истории фактичны, т. е. не являются повторяемыми, однородными и т. д., фактичны и сами связи, являющиеся индивидуально-случайными. Такая концепция близка к неокантианству.

У Риккерта причинные связи в истории – это не законы и не общие понятия, а части индивидуальной деятельности /Риккерт Г. Философия истории. С. 198/. Для Вебера же не существует всеобщих абстрактных законов, а лишь конкретные единичные связи. Вебер говорит о казуальном объяснении только как о предпосылке познания индивидуально значимых констелляций причин, факторов, законов /Вебер М. Указ соч. С. 370/. К. Поппер выдвигал аналогичные аргументы против принципа закона в исторических науках. В его концепции история предстает как «один великий факт» /Поппер К. Нищета историцизма // Вопросы философии. – 1992. №10. С. 31/, как уникальный процесс, описываемый единичными историческими суждениями. Хотя этот процесс и происходит в соответствии с законами, однако «ни один ряд, скажем, из трех или более причинно связанных конкретных

событий не выстраивается в соответствии с каким-то одним законом природы». /Там же. С. 35/.

Можно ли считать такие позиции обоснованными? Да, совершенно можно, но... Но если принять во внимания, что любая из таковых позиций формулируется до начала эпохи социализма в России, до эпохи индустриализации и эпохи постиндустриального периода, когда слились чуть ли не в единое целое человек и машина, законы, управляемые механическими процессами, человеческий мозг и электронный мозг, явления и процессы, уменьшающие разницу их возможностей, а также «черное» и «белое» в лице государства и народа (народ и партия – едины). И в особенности, когда та возможность продемонстрирована верификацией социализма в СССР.

И к тому же в истории существуют временные рамки, которые ученым берутся за объект исследования. И законы могут действовать лишь в этих рамках. Эти законы могут быть только историческими или даже общесоциологическими, в зависимости от их трактовки историками применительно к одной эпохе или всей истории человечества в целом. //Мы считаем: если предположить, что исторический закон гипотетически может повториться – он тоже гипотетически может быть назван общесоциологическим//.

Вовсе не попытка примирить антипозитивистов с мыслью о возможности исторических законов – «двучленов: причина-следствие» является целью автора данного исследования

А. В. Манина-Уральца, а попытка доказательства эффективности исторического закона в период социализма в СССР, а именно Закона исторического потенциала советского промышленного предприятия.

Работа начата с установления факта исторического потенциала советского промышленного предприятия: производить и воспроизводить, наряду с основной продукцией, социально-бытовую инфраструктуру развитого, мирового, уровня, влиять этим фактом, процессом, явлением на сознание верхушки власти СССР, не способной решать эти задачи одновременно для всех промышленных предприятий и, следовательно, только своими решениями влиять на формирование модели и конструкции социализма в СССР.

По Н. И. Карееву, культурные факты связаны эволюционными связями, но эти связи не поддаются математическому описанию и формулировке в виде правильных последовательностей (прямая, цикл, кривая), а представляют скорее ломаную линию... Но современному исследователю, поставившему одну цель ради решения другой – указание на закон, чтобы точнее формулировать прогнозы развития своей страны, нет претензий к «ломаной линии». Однако имеются претензии к тем, кто, подобравшись к истине ближе других, вдруг делает шаг назад, мысленно ссылаясь на тех, кто обжегся, идя к той же цели.

Почему не описать математически алгоритм «атома сущего» в истории, ограниченной конкретной исторической эпо-

хой?

Мы подошли к пониманию, что декларируемое советской властью, компартией вовсе не всегда соответствовало не только чаяниям, настроению масс, но и их возможностям. Но партия не могла постоянно расписываться в своей бессилии сделать то-то и то-то. Эти проблемы в результате разрухи России и углублявшейся гражданской войны разрастались как снежный ком. А потом наступила пора строительства, но не пора распределения материальных благ. В этих условиях партия должна была закрыть глаза на то, что коллективы рабочих на заводах и фабриках захватили власть, станки и оборудование, вовсе не являясь идеальными рабочими, а представляя собой массу народа, которая инстинктивно сплотилась там, где формировалась гарантия на безопасность, на крышу над головой, на отдельное рабочее место и минимальное жалованье, наконец на трудный, но даже в тех условиях все же стабильный городской хлебный паек (право на «городской хлеб»).

Это были те рабочие, кто, не случись Октября, сейчас насыщались бы идеологией Февраля, буржуазного образа жизни, будучи небогатой прослойкой общества - стремились бы к обогащению и смеялась бы над теми, кто призывал бы упразднить частную собственность. Это были рабочие, которые в основной своей массе вышли из окопов, поддерживали большевиков, чтобы не возвращаться на фронт и теперь для них не было иного пути, как поддержать ту власть, которая

клялась не допустить возвращения прежней, которая могла бы и мстить.

Иными словами, это была та часть общества, которая вдруг, подчиняясь какой-то огромной, божественной, воле, какому-то небесному закону (иначе эту волю люди понимать не могли) оказалась в совершенно немыслимых для нее условиях строительства какого-то вовсе невиданного, неслыханного общества равенства и братства, где все поровну, сначала по заслугам, а потом и потребностям человека.

Этот закон, требующий своего разъяснения в новых исторических исследованиях, - по мере развития, - формировал в себе черты нового закона, может и нескольких кряду, формировавших общество социализма; но во всем этом проступало одно, сильное, заставляющее преодолевать все новые трудности и при этом считать, что оно есть лучшее, что могут пожелать советские люди.

Это была формировавшаяся среда трудовых коллективов заводов и фабрик, единение человеческих рук и мозгов и все более современных сильных механических и электрических машин, это была постоянная жажда изъять у государства его задолженность перед «рабочим классом» в области обеспечения нормальным соцкультурным: изъять так, чтобы государство сделало вид, что не замечает этой «экспроприации», как бы, государственных ресурсов.

Это была жизнь на выживание. Это, то есть «что-то такое», видела и верхушка власти. И она позволила выжить ра-

бочим, чтобы жить самой.

Государство обнаружило эту неведомую силу, заставившую огромные народные массы идти на заводы и любить эти заводы, желать больше заводов. Это их желание определяло путь развития социализма: постоянное строительство заводов и фабрик, где наряду с выпуском продукции можно постоянно и непрерывно производить и воспроизводить все более и более развитую социально-бытовую инфраструктуру.

Государство увидело, что советские заводы это не совсем те заводы, которые были до революции.

На советских заводах невозможно добиться идеального порядка, невозможно выпускать только высококачественную продукцию, невозможно добиться ритмичности работы, невозможно быстро переналаживать производство, невозможно добиться высокой культуры труда, постоянной чистоты.

Но зато на этих заводах оказалось в избытке желания эксплуатировать завод, чтобы он производил и воспроизводил бесплатный соцкультбыт... Строил заводские поселки и города со всем набором социалистических благ и тем самым строил советский социализм.

Это и стало реальной моделью социализма на все годы вперед. Лучшего советская власть придумать все равно не смогла.

По мере развития советских заводов на них сложилась та

система работы, которую можно было озвучить по всесоюзному радио только касаясь ее официальной стороны: энтузиазм, героизм, самоотверженность, и тому подобное. Реальный социализм на советских заводах явил свое «эксплуататорское», «буржуазное» лицо.

В коллективах стала господствовать сила защиты слабых и отстающих, подтягивания отстающих до середняков, середняков до передовиков, сила, порой заставлявшая одних отказывать себе во многом, и даже в улучшении жилья, ради других.

Но общая сила не была в состоянии отказаться от постоянного изъятия прибавочного продукта и сверхприбыли в виде производства и воспроизводства соцкультбыта улучшения жилья и улучшения уже улучшенного жилья.

Что же это была за сила, сумевшая, будто в ее руках была точка опоры, перевернуть представления о труде и нормах выработки, о том, каким должен быть и каким стал социализм?

Сила эта заключалась в социально-психологической составляющей в рабочей среде. Она заключалась в особом реагировании на любые события в коллективе трудового человека, и что уже заключалось в негласном праве каждого реагировать на явления и процессы в среде коллектива так и никак иначе.

Это проявлялось действие некоего универсального закона, состоящего из большой, очень большой, из сотен видов,

но не бесконечной суммы видов советского рабочего права, ставшей той точкой опоры, на котором с тех пор зиждился фундамент социализма в СССР.

Это было до известной степени безнравственно: реагировать на декларируемое сверху как на нечто должное и необходимое, но делать на каждом коллективном рабочем участке так, как позволяли условия выполнения коллективных задач и что являлось наиболее эффективным не только для каждого рабочего, цеха, завода, отрасли, промышленности, но и всего народного хозяйства в целом.

Поэтому рядом с этой безнравственностью, сточки зрения официальной морали, постоянно присутствовала и удивительная «буржуазно-социалистическая» гармония трудового коллектива промышленного предприятия в СССР. Она включала в себя сотни видов советского рабочего права, возможность решать многие социальные проблемы коллектива и отдельных людей.

И она проявится как исторический закон советского промышленного предприятия после того, как сольются пространственная целостность природных, географических, трудовых, производственных ресурсов периферии и передовых технико-технологических и передовых социокультурных ресурсов, в том числе и опыта их накопления, центральной России, главным образом Москвы.

Это произойдет во время Великой Отечественной войны, когда в одночасье в восточных районах страны, на Урале,

в Сибири, в Поволжье сосредоточатся тысячи промышленных предприятий и на их основе возникнут крупные города с развитой социально-бытовой и социально-культурной инфраструктурой мирового уровня.

Нужен ли такой опыт для моделирования конструкций социализма в будущем?

Прежде необходимо рассмотреть хотя бы часть из тех «атомов сущего» социализма – видов советского рабочего права. В данном труде их рассмотрено достаточное количество. Они дают возможность увидеть советское общество не просто как общество, о котором говорил тот же Кареев, а совершенно универсальное, не похожее на другие, общество, где трудовой коллектив любого среднего и крупного промышленного предприятия - как один организм, а не множество организмов; то есть представляет собой ту реальность, которую можно изучать, имея возможность, создав определенные «лабораторные» условия, неизменную повторяемость его действий (двучлен – причина-следствие). Развитие общества нельзя описать единой законосообразной формулой, т. к оно представляет собой плюралистическое изменение различных аспектов социальности и определяется внешними условиями, факторами, силами и т. п. – такова позиция Кареева.

Но мы намеренно усложняем вопрос, чтобы, выделив искомое, отвечать на вопрос, заложенный в этом искомом, как предмет исследования. Мы выделяем понятие не «разви-

тие общества», а «развитие трудовых коллективов советских промышленных предприятий», как сообщество, держащая в своих руках производственные и трудовые ресурсы, возможность решения социальных вопросов, вопросов дисциплины и воспитания в необходимом этому сообществу русле, и являющемся единственной сообществом в стране, которой нельзя управлять, не считаясь с ее мнением.

Эта сообщество сродни понятию обществу.

И в развитие этого общества возможно искать исторические законы, и возможно, попытаться найти искомый предмет исследования — некую законосообразную формулу.

В этой формуле мы видим и инструмент решения поставленных задач по выявлению из общей суммы видов советского рабочего права множества детерминантов, то есть объясненных видов советского рабочего права. Этим «знаменательным» инструментарием является использования способа выделения альтернативы, и «числителем» - поиска альтернативы в альтернативе. Приплюсованная к детерминации вида советского рабочего права, имеющего внутреннее противоречие: то, что декларирует власть и то, что исполняет на практике рабочий.

В этом, если это работает в отношении любого поставленного вопроса - есть подобие «законосообразности». Сама же формула очень проста. Например, мы ставим вопрос: «Была ли альтернатива у Октября? Да, если бы правительство Керенского установила сильную власть. Была ли альтернатива

слабости Керенского? Да – сила, но ее не было. То есть мы отвечаем, что без сильной власти ни одна партия не могла бы стать лидером в революционном движении. Приплюсовываем детерминант советского рабочего права на партию большевиков. Расшифровываем этот вид права следующим: рабочему, вчерашнему солдату, еще не снявшему шинель, купующему на московских и петербургских заводах оружие для поставки на фронт, дан выбор: возвращаться в окопы с этим оружием или направить оружие против тех, кто может загнать назад в окопы, где не жалеет солдат? Он выбирает второе и ждет дальнейшего развития ситуации на своем же заводе. Рабочим-солдатам обещаны фабрики заводы. Этот рабочий-солдат в основной своей массе вчерашний крестьянин. Ему обещана земля. Он выбирает ту власть, которая обещает землю. Но в чем здесь противоречие? В том, что власть декларирует одно, а на деле требует другого. Рабочий-солдат, видя это, сознательно не идет против новой власти, так как уже провинился перед старой властью, которая, вернувшись, может наказать, и рабочий идет до конца за новой. При этом рабочему ничего не остается, как только приспособливаться к жизни.

Второй пример: была ли альтернатива: разойтись рабочим-солдатам по домам или остаться на заводе? Была. Но мог ли рабочий вернуться домой в деревню? В основной своей массе – нет, рабочий хотел остаться живым, выжить: в деревне могли оказаться представители старой власти, на заво-

де рабочий являлся защищенным.

Рассматривается вид рабочего права – советское рабочее право на свой завод, право на свой станок, право на трудовой коллектив, право на городской хлеб, право на жилище. Рассмотрим право на городской хлеб. В деревне не могло быть хлеба, а на заводе всегда обеспечат пайком. Городской хлеб будет всегда, потому что его всегда заберут у крестьянина. В этом есть то противоречие, которое не может озвучиваться со стороны государства: что советский завод сможет существовать при постоянном отторжении у крестьянства его земель, его хлеба, его рабочих ресурсов. При этом вчерашние крестьяне, ставшие рабочими, понимают, то будет есть хлеб, не сеяв его, отдавать труда меньше, чем в поле. Это означало, что он, рабочий, становится эксплуататорами своих сельских братьев (своеобразным эксплуататором, пользующийся трудом батраков). Но это рабочие также озвучивать не собирались. Они вошли в систему советского образа жизни, советского завода. Не очень-то это было красиво с морально-нравственной точки зрения, но таковая новая жизнь уже не могла не устроить.

Советская власть, начав заигрывать с рабочими до Октября, продолжала пестовать их и в дальнейшем. Как? О том говорят все виды советского рабочего права.

Третий пример. Мог ли рабочий не вступить в Красную Армию? Да, мог пойти в белую, не поддержать большевиков. Но была ли у него альтернатива: идти в белую или красную

армию? Мог. Но в тех условиях - нет, потому что ближе была красная, она защищала от старых хозяев, от обязательств перед старой армией. Здесь рассматриваем советское рабочее право на рабоче-крестьянскую красную армию...

Видов советского рабочего права – сотни, может быть тысячи. Но число их в период 1917-1991 гг. конечно. Верификация изучения и написания историй советских заводов указывает на конечность смысловых понятий «Истории советских заводов». Все они так или иначе повторяются в истории заводов, открывая за собой определенные, одинаково проявляющие себя на всех заводах явления.

Поэтому утверждения, что «Развитие общества сравнимо не с эволюцией организма, а судьбой личности, где переплетаются различные закономерные связи, образуя неповторимое индивидуальное целое» можно и развивать. При условии: если брать общество, как общество трудовых коллективов промышленных предприятий страны и как единый организм, начавший жить по единым, им самим избранным правилам игры, которые уже не могли измениться и не менялись до конца советской власти. Они лишь развивались, как развивается организм живого существа. И значит, коллективы жили по своим законам, то есть по сумме декларируемых законов и сумме устанавливаемых в коллективах своих законов «настанничество», «династии», «многостаночность», «выдвижение в передовики», «стахановство» и другое.

Идея плюрализма в историческом объяснении развива-

лась К. Поппером (подчеркивает Ю. Л. Халтурин) считавшим, что направление эволюции общества в целом и его единый закон описать нельзя, описанию поддается лишь множество «Отдельных, произвольно выбранных сторон» /Поппер К. Указ. Соч. – с. 33/ развития общества.

Это справедливо в том случае, когда, оглядываясь на пройденный путь социализма, мы не собираемся более двигаться тем же путем. Но если, не видя в сегодняшнем дне и впереди ничего лучшего, чем пройденный нами советский социализм и желая повторить прежний опыт, при тех же «стрессовых» ситуациях, когда понадобится решать проблемы экономики за счет интенсивной эксплуатации природных ресурсов и среднеквалифицированной дешевой рабочей силы из периферии, и мы повторим этот опыт, то мы будем точно знать: история промышленности в новой эпохе будет складываться по нами установленному закону, она приобретет почти точно те же черты. Это показал уникальный опыт семи десятилетий функционирования советского завода: опыт удивительной гармонии, самодостаточности, когда почти не требуется вмешательства государства, чтобы развивались заводы и развивалась социально-бытовая инфраструктура ими создаваемых поселений городского типа и городов.

Можно предположить, что частично и обосновывается в рамках диссертации, что И. В. Сталин заметил эту гармонию и открывал тем самым себе глаза на дальнейшее раз-

витие советского социализма. Возможно, поэтому предвоенную пятилетку он вдруг объявляет пятилеткой социальной, так как надо поспешить представить достижения в социальной сфере в период индустриализации, не как результат проявления Закона исторического потенциала промышленного предприятия в СССР, а как запланированный верхушкой власти процесс. Возможно, поэтому Сталиным не разрабатывается для всеобщего обсуждения второй послевоенный план на первую половину 1950-х гг.

Во время слияния пространственной целостности периферии (с ее географическими, природными и трудовыми ресурсами) и технико-технологических, социально-культурных достижений центральных городов в период войны, родилось то что позволило на востоке страны «в одночасье» воздвигнуть множество новых городов с развитой социально-бытовой инфраструктурой, которая обещала вобрать в себя все известные в мире составляющие: от детских садов до дворцов культуры, спортивных комплексов, здравниц всесоюзного значения и другое. Допустим: Сталиным это явление воспринимается как Закон исторического потенциала советского промышленного предприятия – в действии. Вождю хочется посмотреть, что же будет дальше, если еще более уменьшить влияние на заводы со стороны государства. Война помешала естественному ходу развития заводов при социализме, но она показала, насколько живучей и жизнеспособной оказалась система советского завода, где

только один костяк квалифицированных кадров может быть основой быстрого возрождения завода, а из войны трудовые коллективы вышли из еще более закаленные. Они не только обеспечили Победу, не только продублировали производства, но и успели отстроить новые районы городского типа, новые города.

Мог Сталин быть знаком с позицией Н. И. Кареева, что в отношении человека, как природного существа, можно сформулировать некоторые законы относительно связи предмета воли, мотива и поступка. Но в социальной жизни человека – закон – это лишь навязчивый стереотип, образец, схема действий, которая может изменяться самим человеком как свободным существом (Халтурин). «Такое понимание истории помогает преодолеть крайности фатализма и волюнтаризма на почве детерминизма, выявляющего специфику детерминации человеческой деятельности, которая не является универсальной, необходимой и постоянной.

Противоположность закона и тенденции основана, таким образом на трех фактах: многомерность общественного развития, протекание этого процесса в исторически определенных условиях, деятельность как главный фактор исторического развития. Однако принцип деятельности распространяется не только на понимание общества как формы, создаваемой ее актами, целями и структурами, но и на физико-географические и биологические условия общественного развития.

История есть не одностороннее действие природы (или общества, культуры) на человека, а именно взаимодействие. /Кареев Н. И. Личное начало и роковые силы в истории. Вопросы философии. – 1996. №7. С. 159/.

Принцип деятельности и личности в понимании проблемы исторических законов является оригинальным принципом Н. И. Кареева, в методологическом плане предвосхищающим, например, ситуационную логику К. Поппера как логику взаимодействия индивидов и институтом, а в научном плане – современные социологические концепции, ставящие в центр не общественные структуры, а индивидуальную деятельность человека. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о концепции Н. И. Кареева как о переходном звене между позитивистской и антипозитивистской методологией истории. Критика Н. И. Кареевым понятия исторического закона является несомненным вкладом в развитие гуманитарной методологии и построение нового типа исторической науки, предвосхищая многие методологические концепции в современной западноевропейской методологии».

Итак... И. В. Сталин. Нет, он не мог допустить, чтобы даже подумали о нем, как о человеке, навязавшему себе мысль (навязчивый стереотип) о возможности открытия им исторического закона, не соответствующего законам марксизма. Только он не мог бы озвучить и вновь обнаруженный им закон даже и с точки зрения марксизма. Потому что это указало бы всем, что основные достижения в области социаль-

но-бытового и социально-культурного развития принадлежат не власти (не Сталину), а заводам, хотя бы в них и насчитывались десятки миллионов человек.

Указать на этот закон, значило указать на составляющие градообразующего потенциала промышленных предприятий в СССР, а в них – и это ничем неистребимое упрямство, которое формирует в рабочих коллективах модель социалистического хозяйствования по образу и подобию потребностей рабочих, их семей: а именно «дедовщина» (влияние наставников на новичков, влияние династий на распределение наиболее выгодных участков работы), «хапужничество» (неспособная эксплуатация рабочих станков ради извлечения личной дополнительной выгоды, включая многостаночное обслуживание, которое кроме покрытия дефицита рабочих рук ничего хорошего за собой не несет: ломаются станки, много лишних средств и сил уходит на содержание ремонтников и наладчиков); «позерство» (выделение домопрошенных передовиков, героев труда, навязывание трудовых патристических починов) и так далее. И все это рабочим коллективам нравится, их это устраивает. А также нечто подобное «двуличию» (делают вид, что воспринимают все составляющие кодекса о труде, трудовых законов, но живут по своим - в семейственности - создавая касты, передавая традиции другим). И самое обидное – постоянная «экспроприация у государства», у товарища Сталина дополнительных ресурсов на производство и воспроизводство соцкульт-

быта. Рабочие используют заводские материалы, используют заводское оборудование, заводской транспорт.

Рабочие используют коллективную энергию, которую могли бы направить на выпуск дополнительной продукции. Но все дело именно в этой коллективной, ни когда не исчезающей «избыточной» энергии, направленной на изъятие у государства его задолженности перед заводами в области развития соцкультбыта.

В этом потенциале, кроме материальных, трудовых ресурсов, также как эта энергия, так и еще очень важная составляющая – жизненный социальный опыт всех отдельных работников. Среди них многие имели другие профессии, специальности, ремесло, владели навыками ведения натурального хозяйства. В трудовых коллективах есть плотники, столяры, кровельщики, трубопроводчики, лудильщики, бондари, пимокатчики, жестянщики, кузнецы, пивовары, каменщики, штукатурщики, отделочники и другие. Есть работники на любой запрос. Это и дает возможность им строить поселки городского типа, города: для себя и своих детей... Да, это могло быть явным признаком исторического закона. И в принципе это не противоречило концепции марксизма, исторического материализма, если принять во внимание, что законы развития общества носят объективный характер. (Многие теоретики не имели практики познать истину своих утверждений на примере социализма советского образца, а власть придерживающийся в СССР, в отличие от них, не

способных упустить возможность, чтобы заявить о своем открытии, мог). Но, оставляя данную социально-психологическую сторону, мы, разумеется, соглашаемся, что исторический материализм имеет свой особый предмет исследования – наиболее общие законы и движущие силы развития человеческого общества. В предмете исторического материализма человеческое общество – это самая сложная по своей сущности, структуре форма существования материи. Общество есть специфическая, качественно своеобразная часть природы, в известном смысле противостоящая остальной природе. Такое понимание взаимоотношения общества и природы коренным образом отличает исторический материализм как от идеализма, который в большинстве случаев противопоставляет общество и природу, так и от метафизического материализма, который не видит качественного различия между ними.

Историческим материализм является научной общесоциологической теорией. Чтобы правильно понять характер, существо общесоциологических законов, надо изучать их действие, функционирование и в той специфической форме, в какой они проявляются в разных формациях, в различные исторические эпохи (например, при феодализме, капитализме или социализме). В понятие «общесоциологические законы» входят и те внутренние связи и отношения, которые характеризуют наиболее общие закономерности определенных общественно экономических формаций.

Возникает искушение представить предмет исследования Закона исторического потенциала советского промышленного предприятия не историческим, а общесоциологическим. И это, в принципе, допустимо, если разрабатывать концепции использования опыта социализма в СССР не для того, чтобы преодолеть еще одну критическую ситуацию, а как долгосрочную программу при условии учета ошибок и заблуждений в сменяющих одна другую «опытных» формациях.

(При этом, чтобы не повторять ошибок, - преступления верхушки власти вообще клеймятся навсегда, без всяких оправданий). Но такая постановка вопроса возможна только уже при опыте социализма, при умении определить его границы – его рождение и его смерть. Дальнейшая его реанимация возможна точно также, как возможен переход одного вещества в состояние другого, исчезновение и его возврат к прежнему состоянию.

Маркс и Энгельс, и даже Ленин разъясняя законы развития общества и их объективный характер, не могли знать опыта советского социализма. И даже в первые годы советской власти В. И. Ленин посетовал, что Маркс не удосужился не дать ни строчки о понятии госкапитализма (для оправдания советского НЭПа), который и до НЭПа в России и после был использован и в Германии и в США... А сам Ленин успел увидеть в проявляющейся модели советского социализма столь много нового, что, вероятно в определен-

ной степени удивления написал работы «Как нам реорганизовать «Рабкрин» и другие, по сути свертывая свои прежние представления перед реальностью и желая хоть как-то направить социализм в «идеалистическое» русло нового ленинского прагматизма. Поэтому в отношении предмета исследования автор исследования считает необходимым указать на следующее принципиально важное обстоятельство в «эпистемологии марксизма».

В знаменитом предисловии к работе «К критике политической экономии» К. Маркс дал классическую формулировку основных положений исторического материализма. Он писал: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание.

На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с

существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке...»

О советском ли социализме были написаны эти размышления? Совершенно бесспорные в отношении развития философско-экономической мысли для абстрактного народа, они должны быть конкретизированы в отношении социализма в СССР. Это легко достигается при рассмотрении следующих положений марксизма: «...При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение...»

Верна ли «формула» Маркса? Да, но не полна и с точки зрения открытия новых истин – достаточно абстрактна, поскольку при социализме «конфликт» перерождается в «не конфликт» и как бы гармонизируется становится необходимой величиной наступившей социальной гармонии.

Попытки как можно точнее учесть материальные, эконо-

мические условия, приведшие царизм к Октябрю не разрешили у историков серьезных противоречий, например, по вопросу альтернативы Октября и, скажем, Февраля 1917 г., и тем более по вопросу истинных «атомов сущего» природы советского социализма в 1917-1991 гг. По вопросу переходного периода от Февраля к Октябрю историкам потребовался, как минимум, и анализ всех перечисленных выше Марксом и Энгельсом форм. С позиций познания неких новых истин мы опираемся на свершенную практику, а не на теорию, и рассматриваем суть в сумме практически исполненных исторических и социально-экономических законов материальной эпохи, превратившейся в историю.

«...Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно также нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями...»

Противоречиями в материальной жизни советских рабочих являлось несоответствие желаемого действительному, это естественно и не для рабочих. И конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями, как таковыми не было. Хотя если признать в качестве первого коллективы советских промышленных предприятий и в качестве второго - отношения этих кол-

лективов и власти, то попадание в самую точку. И именно в этом конфликте и кроется главная формула Закона исторического потенциала советского промышленного предприятия. Суть этого конфликта – противостояние между декларируемым для коллектива и имеющими место методами распоряжаться своей рабочей судьбой внутри производственного коллектива.

Данные методы – это установление большой совокупности советских рабочих прав, которые одновременно устраивают власть и сами рабочие коллективы.

Речь идет о своеобразном «поправлении» методов власти, ее законов, кодексов в реальных условиях воплощения в практику. Например, власть насаждает уравниловку, которая не нравится наиболее умелым рабочим, и они прибирают к рукам наиболее выгодные операции, меньше внимания отдавая обучению учеников. Власть снижает расценки, и рабочие еще более интенсивно эксплуатируют оборудование, чтобы заработать на жизнь. Власть насаждает строгие меры для бережного отношения к оборудованию, коллективы выдвигают встречные патриотические почины чтобы прикрыть невозможность выполнения данного задания и отчитываются за достижения отдельных передовиков. (Советское рабочее право: на уравниловку, на снижение расценок, на выдвижение передовиков).

Любой вид советского рабочего права приемлем рабочим коллективам, часто он даже выгоден и необходим. Напри-

мер, советское рабочее право на государственный заём. Часто такой заём отнимал у рабочего едва не последние деньги, но большинство рабочих этот акт устраивал, чтобы не числиться в списке не патриотов и легко апеллировать по любым вопросам в профсоюз, в парторганизацию в ВЛКСМ. Это касалось и других патриотических поступков, например субботников (советское рабочее право на субботники и воскресники).

Эти виды прав будут подробнее рассмотрены в главах исследования. Главная особенность, объединяющая их, как подчеркивалось выше – в наличии противоречий, конфликта, которые не озвучивались из идеологических и морально-этических соображений, при том, что обе стороны делали вид, что вполне довольны методами работы друг друга.

Догадывались ли трудовые коллективы страны, что влияют на методы формирования модели и конструкций советского социализма? Скорее всего, нет. Они доверяли марксизму-ленинизму и воспринимали на слух только ту идеологию, которая вполне устраивала, потому что обладала свойством учесть потребности рабочих коллективов и с ними договориться.

Догадывались ли на предприятиях, что социализм движется по историческому закону, сутью которого стала негласная договоренность властей и тружеников производств – жить как живется, работать, строить, устраивать быт, продолжать род, учиться, устраиваться на работу и

так далее: столько и в таком количестве, сколько необходимо, чтобы обеспечить стране независимость и безопасность? Думается, нет. Потому что была сформирована идеальная система советского социализма, действующая сколь угодно долго при условии достаточности природных ресурсов и дешевых трудовых ресурсов.

В Китае, например, имеются эти условия. И если бы Китай устроил опыт СССР, то он просуществовал бы при социализме очень долго. Но для этого он должен поступиться многим, по-прежнему отставать от развитых западных стран в области соцкультбыта, качества производимых товаров, усугублять экологические проблемы. Хотя при учете опыта ошибок и упущений СССР все это можно осуществлять с гораздо меньшими потерями. А от лозунга «догнать и перегнать!» можно вовсе отказаться, тем более что мир идет к новой философии: жить меньше потребляя ради сохранения жизни на Земле. Капиталистический же путь развития уже вовсе не является необходимым.

Для этого Китайскому руководству пришлось бы прямо указать на действие закона советского социализма, признать, что рабочий класс страны, в основной своей массе, всегда будет вчерашними сельскими жителями, со средним уровнем квалификации, что основная часть продукции страны будет среднего качества, признать, что в СССР власти и рабочие коллективы приспособились друг к другу, что власть не озвучивала многие «дутые» начинания и все виды советско-

го рабочего права – неофициального права, которое есть суть методов приспособления рабочих коллективов к официально насаждаемым кодексам о среде и трудовым законам.

Для этого потребуется и обоснование нового курса по советскому образцу, но уже в качестве высоконравственного государства. То есть определить точку отсчета, за которой государство признается высоко цивилизованным в культурном отношении, где открыто заявляет, что ждет впереди не вовсе замечательного, но необходимого. И определиться с точными границами жизни согласно новому курсу – на сто, двести лет и так далее, что позволяет сделать подсчет ресурсов и планирование народного хозяйства.

И что очень важно – не провозглашать невыполнимых программ, не требовать от рабочих тех качеств, которые не могут быть преобладающими у большинства населения: беспредельной преданности, беспредельной честности, беспредельного трудолюбия, бескорыстности и так далее. Иначе за каждым посылом тут же родится вид рабочего права, заключающий в себе противоречие – конфликт между декларируемым официальными законами и неофициальными законами внутренней жизни крупного производственного коллектива. А в новой эпохе это есть фундамент для коррупции.

В известной мере, представляется, определенная сумма видов советского рабочего права, создавшая условия для тесного поддержания друг друга в коллективе при социализме, в новой эпохе капитализма создала почву для коррупции:

«рука руку моет»; «верхи декларируют одно, а низы «крутятся», как могут, при этом не считая, что даже и в случае разоблачения заслуживают сурового наказания и порицания (отголосок советского рабочего права на проступок, на «несуна», на «приписку», на обиду на правительственные органы и др.) Поэтому борьба с коррупцией в современной российской Федерации не может вестись тоталитарно жесткими методами, ибо пока привычка изымать у государства его задолженность перед коллективами в решении всех главных социальных проблем сильнее страха наказания за нарушение законодательств и законов. Должно прийти новое время – время молодых, ценящих молодость, свободу, репутацию.

Что касается достоинств советского социализма, то он имеет исключительно привлекательные факторы. В принципе, при условии отказа от шовинизма, такая модель социализма может быть основной на все будущее великого народа, где имеются условия для создания полной модели современной промышленности, способной дать все для развития нации.

«Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить,

так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления».

Строгая научная формулировка основных положений и принципов исторического материализма выпукло выказывает две важнейшие особенности этого учения: во-первых, последовательное проведение материалистического взгляда на историю как на закономерный процесс, обусловленный в конечном счете развитием способов производства, и, во-вторых, строгий историзм, рассмотрение общества как находящегося в постоянном развитии.

Представляется великой заслугой К. Маркса и Ф. Энгельс в том, что они открыли в общественной жизни, в истории общества не только то, что сближает социальные закономерности с закономерностями в природе, но и то, что коренным образом отличает социально-историческую закономерность от природной. Это выражено в характеристике ими общественного развития как естественноисторического процесса, — отмечают Семенов Сергеев.

Мы же заявляем: можно ли, с другой стороны, считать естественноисторическим социальным процессом тот процесс и тот метод влияния на социалистическую экономику, которые были выработаны в ходе социализма в СССР в 1917-1991 гг.? Думается, что нет. Не вовсе хочется согласиться и с тем, что естественноисторический социальный

процесс – это процесс столь же закономерный, необходимый и объективный, как и природные процессы, не только не зависящий от воли и сознания людей, но и определяющий их волю и сознание. Не хочется согласиться и со следующим: «Это противоречие вполне разрешимо, если учесть, что люди (а тем более большие массы людей народы, классов, партии и т.д.), преследующие свои цели, руководствующиеся теми или иными идеями, стремлениями, вместе с тем всегда живут при определенных объективных, не зависящих от их воли и делания условиях, которыми в конечном счете определяются направление и характер их деятельности, их идеи и стремления». Возможно, ошибки в этой мысли нет. Но думается, если люди, массы людей живут в независимых от их воли определенных условиях – это не есть категория для установления закономерностей. Люди всегда стремятся выбрать более благополучные условия.

Весь опыт накопления источников по истории советских промышленных предприятий, коллективы которых представляли собой основную массу трудового народа страны, указывает, что коллективы обладали столь огромной волей решить свои насущные социально-бытовые и социально-культурные потребности, что она повлияла на построение той, а не иной модели советского социализма в СССР.

А что касалось воли передвигаться по стране, жить там, где хотелось, даже текучести кадров (рабочее право на «текучесть кадров»), то как раз это и было одной из целей не

только рабочего человека, но и верхушки власти, Сталина, которым было выгодно оторвать людей от своей малой родины, создать для них одну большую Родину, где все везде примерно одинаково. И мысли, и высказывание мыслей в области поддержки курса правительства – тоже.

Предоставление рабочим массам свободы передвижения в поисках работы, причем, с сохранением права получения жилья, стало одним из наиболее эффективных методов советской власти «нивелирования» людей и создания «единого образа советского рабочего человека». Это дало, кроме искомого результата, и тот отрицательный эффект, который выразился в постоянной, на десятилетия, большой текучести кадров на промышленных предприятиях. Но это же, видимо, имело ту необходимую сторону для верхушки советской власти, что «шаткими, неустойчивыми в комплектации кадров» коллективами было все же легче управлять.

Другим плюсом могло быть то, что всегда была активность в системе обучения, каждое предприятие было хорошей эффективной школой обучения профессиям и переобучения, что позволяло очень быстро учить новичков, а также и молодежь, идущую к станку. А кроме того, множество работников в стране имели по несколько специальностей, которые использовали во время субботников и воскресников, при строительстве домов своими силами и так далее. (Речь идет об одной из составляющих исторического потенциала Закона исторического потенциала советского промышлен-

ного предприятия – о дополнительном виде чудесной энергии, позволявшей коллективам помимо выпуска основной продукции производить и воспроизводить социально-бытовую инфраструктуру мирового уровня).

Не все из этого государство могло широко озвучивать. А трудовые коллективы не собирались громко говорить о том, что для контингента костяка ветеранов, кадровых рабочих текучесть кадров открывала широкие перспективы более быстрого роста по служебной лестнице, особого почета, уважения, быстрого сокращения очередности при получении нового жилья и так далее. («Старики» помогали друг к другу, и к «старикам» чаще обращались: «Иваныч, пришли ордера на улучшение жилищных условий – хочешь вновь улучшить – иди подай заявление!» Автору исследования известно это историческое явление по историям всех изучаемых заводов и фабрик, когда ветераны получали новые квартиры как бы внезапно, из уважения со стороны профкома, парткома, дирекции).

Таким образом, принимая как теоретические положения марксизма, так и те, что являются руководством к действию, мы тем не менее сегодня имеем возможность больше опереться на конкретный опыт, на новые концепции, на новые исторические закономерности и законы.

Но не означает ли это, что чем больше законов, тем лучше? Можно сказать определенно, что при накапливании историографии исторических законов категория «закон» будет

обретать все более условную форму. И это представляется более закономерным, чем распространение мнения, что важнее «классические» законы.

Закон исторического потенциала советского промышленного предприятия – также имеет право быть назван условным. Но он жесткая закономерность на протяжении всего периода 1917-1991 гг. Главное, во время своего проявления, действия, набора оборотов он отражал суть природы сложившихся методов социалистического хозяйствования на низовых ступенях производства, он являлся альтернативой кодированному Закону государства, который также имел весьма условные формы закона, так как являлся более формой отражения провозглашаемого, декларируемого со стороны верхушки советской власти и был больше столпом, фиксирующим крепость общества диктатуры пролетариата, чем столпом для достижения всеобщей справедливости. Возможно, защиту люди искали больше в поддержке своего коллектива.

Речь идет, пожалуй, о том, что каждая категория, формирующаяся как исторический закон, должна иметь свое имя в конкретной эпохе. Это имя – есть призыв к историкам договориться: что появилась и эта категория исторического знания. И это есть повод выразить точку зрения.

Что же представляет собой понятие «Общественное бытие», занимающее важнейшее место в историческом материализме, каким образом оно определяет то, что названо «общественным сознанием?»

При выявлении законов социализма в СССР мы оперируем понятием «верхушка власти», так как при социализме нет, как таковой, «советской власти» и нет как такового «общественного сознания».

Все гораздо проще с «общественным бытием». В философском материализме, отмечают ученые, категория бытия рассматривается как тождественная понятию материи, природы. Соответственно этому, под общественным бытием марксисты понимают материальную жизнь общества, ее производство и воспроизводство и необходимые для него условия, включая и воспроизводство самих людей, система общественных отношений, складывающихся между людьми в процессе производства материальных благ, т.е. производственные, или экономические, отношения, материальные стороны жизни семьи, классов, наций и других форм общности людей.

Но можно не вполне согласиться со следующим их утверждением: «Лишь после социалистической революции, с установлением господства со стороны общества над социальными отношениями во все возрастающей мере достигаются людьми поставленные ими цели». Потому что не произошло такого явления, как установление господства со стороны общества над социальными отношениями. Была негласная договоренность власти и трудовых коллективов страны, когда коллективы взялись за решение своих социальных задач, отдав государству роль контролера за решением военно-стра-

тегических задач.

Далее видим много точного: «Вместе с тем и в этот период развитие общества продолжает оставаться естественнoисторическим процессом, обусловленным объективными причинами, законами, находящимися вне сознания людей и определяющими их волю, сознание, их цели и задачи. Таким образом, социализм постепенно преодолевает стихийность общественного развития, но и здесь социальные процессы определяются объективными условиями, реальными возможностями, с которыми должны считаться люди /добавим – и власть! – авт./, из которых они должны исходить в своих действиях. Субъективизм и произвол и здесь могут привести к отрицательным результатам. Следовательно, деятельность людей и в этих условиях становится успешной лишь в том случае, если она соответствует объективным социальным, общественным законам. Что же мы понимаем под социальным законом? Всякий закон, как мы знаем, выражает объективную, необходимую, устойчивую связь, отношения между явлениями, процессами. Законы, установленные историческим материализмом и другими общественными науками, также выражают необходимую, устойчивую и притом повторяющуюся связь между социальными явлениями и процессами. Среди социальных законов существуют такие, которые действуют на всех ступенях общественного развития. К ним относятся законы определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному созна-

нию; определяющей роли способа производства по отношению к той или иной структуре общества; определяющей роли производительных сил по отношению к экономическим отношениям; определяющей роли экономического базиса по отношению к надстройке; зависимости социальной природы личности от совокупности общественных отношений и т. д. Это общесоциологические законы, они действуют во всех формациях, в том числе и при коммунизме.

Кроме общесоциологических существуют законы, присущие только ряду общественных формаций. Это прежде всего закон разделения общества на классы, характерный лишь для определенных способов производства, закон классовой борьбы как движущей силы истории, свойственный тем общественно-экономическим формациям которые основаны на антагонизме классов. В действительности каждый закон действует при определенных условиях, и результаты его действия зависят от этих о условий, которые изменяются не только от одной формации к другой, но и внутри каждой формации, от одной страны к другой».

Общественное бытие первично, так как оно существует вне и независимо от общественного сознания людей; общественное сознание вторично, так как оно представляет собой отражение их общественного бытия. Однако мы должны ответить на вопрос: общественное сознание включает в себя сознание общественное (трудовых коллективов страны) и сознание верхушки власти социализма (Сталина и его бли-

жайшее окружение?) Если разделить первых и вторых, что мы имеем целью указать в исследовании, то первичное общественное бытие (жизнь работников промышленных предприятий, жизнь народа при социализме) и вторичное общественное сознание (способы и методы выживания в условиях советской власти коллективов промышленных предприятий) – очень тесно взаимосвязаны, и настолько, что способы и методы выживания становятся тем самым фактором, законом, который выстраивает жизнь работников промышленных предприятий и жизнь всего советского народа, то есть то, что в марксизме считается вторичным в реальной практике социализма 1917-1991 гг. становится первичным, во всяком случае частью первичного.

Принципиально ли важно не признавать данной постановки вопроса, если она ближе к реальности и проверена опытом социализма? Это принципиально важный вопрос потому, что тормозом в познании объективных законов общественного развития может быть слепое преклонение перед «классическими» законами, которые, не исключено, становятся все более «классическими» - настолько, что перестают играть хоть сколько-нибудь реально значительную роль в борьбе за социальный прогресс. Представляется очень верным утверждение, что «Законы общественного развития выступают чаще всего как тенденции... Столкновение различных тенденций ведет к тому, что в каждый исторический момент существует не одна возможность... Не в воображаемой

независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека, - два класса законов которые мы можем отделять один от другого самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности. Свобода воли означает, следовательно, не что иное как способность принимать решения со знанием дела. Так исторический материализм решает старую философскую и социологическую проблему соотношения свободы и необходимости, проблему свободы и детерминированности воли (связь периферии, центра – сравнительно-исторический метод).

Знание законов природы, природы общества с точки зрения исторического материализма не освобождает от необходимости новых знаний, позволяющих расчленять общую «строгую научную формулировку основных положений и принципов исторического материализма», делая ее не столь строгой, когда вперед выходит ее госпожа верификация, практика, опыт, конкретный результат из того, что ранее только подразумевалось, как истинное и неделимое.

Сегодня многие склоняются к идее, что пора истории принять более конкретные, более точные величины...» И так уж принципиально дать точное определение виду или типу открывающегося за этим явлением закона, если, напри-

мер, «под историческим законом понимают моральные предписания или политические уроки, или отдельные эмпирические обобщения (вроде немецкого «дранг-нах-остен» или франко-русской дружбы, многими принимаемыми за законы истории). Наконец, нередко историческими законами какого-либо народа называют традиционные устои его культурного и политического быта. Одним словом, под историческими законами понимаются понятия весьма несходные и притом под очень разными углами зрения, вследствие чего гораздо лучше избегать употребления этого выражения, довольствуясь казуальными и эволюционными законами психологии и социологии, действующими как в ходе исторических событий, так и в развитии культурно-социальных форм, к чему, собственно говоря, и сводится вся историческая жизнь.

Крайняя путаница понятий, наблюдаемая в употреблении выражения «Исторические законы», нередко мешает, кроме того, надлежащим образом возражать скептикам, отрицающим возможность подчинения исторических фактов законам, ибо если только это отрицание не обуславливается признанием свободы воли, то оно основывается именно на том, что от исторических законов действительно часто требуют прямо невозможного, например, подчинения продолжительности исторических периодов между отдельными важными событиями правильным математическим отношениям.

/См. Н. Карев, «Основные вопросы философии истории»

и его же «Сущность исторического процесса и роль личности в истории», где указана и литература предмета. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон 1890-1907/.

Предъявляемый как закон Закон исторического потенциала советского промышленного предприятия А. В. Манина-Уральца вбирает в себя, по крайней мере, ту величину алгоритма доказательств, которая имеет «математическую» константу - прямую по вертикали и горизонтали. По горизонтали это: свершившаяся история социализма в СССР 1917-1991 гг.; историография социализма; источники – истории советских промышленных предприятий и строительных организаций; объект исследования – эпоха социализма; объект исследования – пространственная целостность промышленного и социального при социализме – Москва, Подмосковье, Южный Урал, Поволжье, Сибирь, Крайний Север. По вертикали: предмет исследования – социальная природа роста городов при социализме СССР, Закон исторического потенциала советских промышленных предприятий; методы исследования (сумма составляющих объяснения закона); верификация исследования; сумма видов (детерминантов) советского рабочего права; методология выявления и разработки видов советского рабочего права.

Не суть важно имеет ли закон математическую модель, и даже какое название он имеет. Да, имеет значение метод исследования, который в известной степени определяет как за-

дачу, так и суть того или иного закона. И все же, если математическая модель близка и объяснима, «теорема» доказывается – пусть и сотню лет, как теорема Пуанкаре, - то отказаться от возможности ее доказательства мы попросту не имеем права. Перед собой и потомками.

Так, «законы развития явлений, относящихся вообще к духовной и общественной жизни человека – суть законы психологии (хотя бы и коллективной) и социологии. Тогда как под историческими законами обыкновенно понимаются законы, которые управляют не эволюцией культурных и социальных форм, а самым ходом событий, в котором действует лишь общий закон причинности.

Если в истории, как и во всем мире явлений, и действуют законы, то это – законы психологии и социологии, притом двоякого рода: одни (как указывалось) казуальные, т. е. те в которых выражается связь двух фактов, находящихся между собой к отношению причины и следствия; другие законы – законы эволюционные, относящиеся ко всем тем случаям, когда два явления находятся между собой в таком отношении. Что одной из них есть лишь дальнейшая ступень в развитии первого.

Казуальные законы действуют в истории прагматической, содержание которой заключается в событиях, служащих причинами и следствиями одни других, тогда как законы эволюционные действуют в истории культурной, имеющей дело именно с формами материального, духовного и обще-

ственного быта, закономерно развивающимися одни из других». (Но, возможно, казуальные законы действуют в истории прагматической, содержание которой заключается в явлениях, служащих причинами и следствиями событий?..)

«Материалистическое понимание истории – очень сложное, всеобъемлющее мировоззрение. Оно начинается с философских предпосылок и заканчивается принципом социально-политической тактики. Оно, таким образом, обнимает собой и теорию, и практику, теоретические принципы исторического развития и принципы воли и действия общественного человека. Оно, следовательно, соединяет в себе объяснение деятельности, выражаясь философским языком, теоретического и практического разума. Само собой понятно, что то мировоззрение во всем его целом не может быть изложено законченным и исчерпывающим образом... - Но тут же: - Самым верным и настоящим изложением материалистического взгляда на историю было бы критическое рассмотрение всей истории культуры, т. е. всей исторической деятельности человечества с точки зрения этого мировоззрения. (И вдруг опять?!): - Такая задача не выполнима даже для первоклассного гения, тем более не должен за нее браться обыкновенный смертный. И далее: - Эта задача выполняется по частям (!) всемирным марксизмом, который достиг в этой области довольно значительных результатов». /Л. И. Аксельрод. Возможны ли исторические законы/.

«Существует целый ряд ученых, которые вообще отрица-

ют такую возможность. Основания, ими высказываемые, в общем и главном следующие:.. Во-первых, явления природы отличаются несравненно меньшей степенью сложности, нежели явления общественно-исторической жизни. Во-вторых, в области наблюдения над процессами природы мы замечаем постоянное повторение одних и тех же явлений. В-третьих, естествознание пользуется экспериментом, т. е. искусственным воспроизведением явлений...»

Но если дело только за экспериментом и сложностью, то сложности историк не боится, а исторический эксперимент также имеет место, но он требует намного больше времени – десятилетия. Например, тот же социализм и коммунизм в Китае, в Южной Корее, на Кубе. Учитывая, что историк описывает уже свершившийся эксперимент, в этом он очень похож на ученого естествознания, который описывает свой свершившийся эксперимент. Последним может повторить его немедленно. А историк... Но ведь и нет нужды историкам проводить эксперименты слишком часто. Да и так ли сложны исторические явления в обществе, или общественные в истории?

Историческая наука, вероятно, и в принципе, способна быть более прогрессивным и эффективным экспериментатором, чем наука из области естествознания, если ученые-историки найдут свой «атом сущего» в социальной природе вещей. Разложив по полочкам, до «атомов» все понятия истории промышленных предприятий в СССР, рассмотрев за

этими понятиями и событиями факты, процессы и явления советской истории – всего, возможно, не более нескольких тысяч (или десятков тысяч), но примерно окончательное их число, разве мы не получаем почти конечный результат объяснения принципа действия атома сущего?! Объяснение, детерминация каждого из этих видов, имея единый метод подхода исторического исследования, таким образом повторяет по сути один и тот же эксперимент десятки и сотни раз!

//При не отказе в исторической науке от практики препарировать исторические процессы, не разбив его на сотни даже тысячи составляющих, как это делается в точных науках, не перепроверив результаты на основе универсальной формулы-аксиомы, историческая наука может смело ставить перед собой те задачи, которые ставят и точные науки//.

Аксельрод пишет: «Нельзя произвести в лаборатории Великую французскую революцию, мы не в состоянии воссоздать эпоху греко-персидских войн, в ее конкретности, или время реформации со всеми последствиями этих великих событий, имевших такое глубокое влияние на ход исторического развития». Это справедливо. Но кто сказал, что имея дело с атомами, ученый в процессе экспериментов имеет дело все с теми же самыми атомами, когда «струны», их проявляющие, как струны скрипки проявляют звук или мелодии, проделали уже немислимые пути в своем то ли «клубковом», то ли «пучково-волновом» (в искаженном своей же скоростью) пространстве? Не вводит ли каждый раз природа

ученого в заблуждение? Это, возможно, казуистика.

Но, во-первых, и нет необходимости проводить опыт той революции, которую не хотелось бы повторять. Так же, как не желательно повторять опыт по взрыву водородной бомбы в области естествознания. (Но, может, пора повторять опыты хорошего!) Во-вторых, от того, более глубокое или менее глубокое влияние на ход истории оказывает определенная историческая эпоха не зависит то, признавать открытые в ней законы более важными или менее важными. В третьих, в научном эксперименте историка с бумагой и пером в руках целью открытия законов, очевидно, является не обязательное стремление прогнозировать будущее, а фиксировать прошлое в тех его мельчайших деталях, которые представят внимательному взору «атом сущего» рассматриваемой эпохи, и тем самым - объяснить истину вещей. А кому сделать прогнозы на основании открытия – найдутся! Ведь и в естествознании до сих пор все еще открывают частицы и их свойства; построили коллайдер – на такие суммы, которых хватило бы провести не один исторический эксперимент. Впрочем, повторяемые эксперименты имеют место, когда идет насаждение американской демократии в разных развивающихся странах мира, и всюду после этого происходит примерно одно и то же.

«В историческом процессе, утверждают далее противники возможности исторических законов, нет повторности явления. Ни одно историческое событие и ни одно историче-

ское явление не похожи на другие. В исторической действительности всякое событие бывает только один раз».

Автор данного исследования надеется, что уже почти доказал, что вышесказанное оппонентом – на деле не совсем так или далеко не так! Надо только увидеть эту, по его мнению отсутствующую, практику – а именно постоянно действующее и постоянно одинаково проявляющее себя на протяжении десятилетий эпохи явлений. Иные из них, когда развиваются и обогащаются новыми формами, не исключают предыдущих.

Во всяком случае, история советского строя, имеющего точные рамки своего проявления и исчезновения, история развития промышленных предприятий, функционирующих в условиях СССР, дают уникальную возможность опровергнуть или хотя бы поколебать эти умозаключения.

Надо вначале поставить вопрос: как при той жизни, которую называют плохой, социализм просуществовал почти в неизменном виде шесть десятков лет, не считая сталинской опричнины (отдельный детерминант советского рабочего права на сталинские репрессии указывает на отдельные причины этого явления, «поддержанные» рабочими массами также, как и все другие при социализме)? Почему, когда либеральная революция в современной российской Федерации указала на неспособность дать рабочим ту свободу, какой они обладали, среди представителей старшего поколения вспыхнула ностальгия по многим вещам социализма?

Историк обязан, по крайней мере, найти ответ на эти вопросы, прежде чем рассчитывать, что его исследование может иметь перспективу прогнозного.

В данной работе, где одним из методов решения задачи стало создание обобщенной истории советского завода с середины XIX в. по XX1 вв., в том числе развитие социально-го сектора в этих историях, сделана попытка зафиксировать, если не сам закон, то неделимую, неопровержимую историческую единицу предмета исторических знаний – обобщенную историю промышленного предприятия и заключенную в этом источнике правду о способности коллективов промышленных предприятий успешно решать свои социально-бытовые проблемы: намного успешнее, чем после периода социализма или (во всяком случае пока) единственно успешно.

В современных условиях достаточно сложно предъявить доказательство положительных результатов социализма, тем более в виде закономерностей или закона. Но, как отмечает Аксельрод,- несомненный фат чрезвычайной сложности общественных и исторических явлений и событий не может служить принципиальным препятствием к нахождению и определению исторической закономерности... Факт сложности той или другой отрасли науки не является методологической преградой на пути к поиску законов, а требует лишь полноты осознания исследователем трудности задачи.

Нет и не может быть сомнения в том, что общественно-историческая жизнь являет собой необычайную сложность во

всех ее проявлениях. Но это бесспорное положение обязывает исследователя этой многообъемлющей отрасли знания (-) ясному и отчетливому пониманию условий своей трудной задачи и сугубой осторожности в своих выводах. Тут вполне уместно напомнить слова Бэкона, что к чрезмерному стремлению разума к обобщению следует подвесить оловянные гири. Эти требования, требования сознания и ответственности – очень большие и очень серьезные требования. Но если кто-то видит опасность за открытием большого количества законов в исторической науке и в истории (хотя, может, и пришла пора оперировать только проверенным инструментарием, а культуру подхода к истории рассматривать как необходимый оригинальный жанр), можно успокоить, что на практике можно использовать не все законы, а только очень и очень полезные. Ведь и специалистом- радиоэлектроником берется на вооружение – ради практики - тот физический закон, который создаст изделие, а не разрушит его.

Историкам для этого нужно только приучить себя к мысли научиться пользоваться законами! Быть, так сказать, - законопослушными; и тогда необходимая в ученом сообществе корректность приобретет смысл истинной культуры! А не видимость ее в бесконечном «высказывании своего личного мнения». Каждый историк – личность, но история не есть сумма «личных мнений», а есть график, таблица, алгоритм, который никак не может быть изменен и опровергнут, а только дополнен выводом на основании нового ценного ис-

точника.

Мы все увидели, чем кончается «культура» историков, доведшая мир до того, что в мире теперь появляются новые некие «освободители» мира от фашистской Германии.

Давным—давно нам в России с друзьями-союзниками надо было создать математический алгоритм победы, который был бы почти аксиомой. Хотя все мы понимаем, что и дважды два для науки это не четыре. Но все же. Все человечество прибавляет двойку к двойке и радуется, что это четыре. Потому что в этом точность и стабильность! И при том, некая объективность настоящего бытия это ($2+2=4$) постоянно подтверждает.

Может, в истории надо уйти от практики «бескультурного» введения в заблуждение масс в определенных рамках бытия, что дважды два не есть четыре. Для этого есть научные задачи, и пусть они остаются задачами, а не утверждениями истин, будто решены. Необходима своя «математика» во всем, в том числе и в социологии, и в психологии, в педагогике, эстетике, во всем, что так или иначе претендует на научность. Таково наше мнение.

При разработке исторического закона, в принципе, в критике критика источника можно дойти и до критики самого методиста эпистемологии, позволяющего использование подобные подходы, но в любом случае попытки к этому, к расширению рамок возможностей опереться на объекты серьезной археографии будут, покуда наука однажды сможет

опереться на «абсолютную совесть» - наиболее «точную» величину, которая может быть всеми признана краеугольным камнем при задаче всякого научного доказательства. И при этом она будет признана культурной.

Нам же в рамках исследования, условно, «Теоремы Пуанкаре в истории - теоремы Манина-Уральца» о природе советского социализма – важно, рано или поздно в данном исследовании попытаться определить и те рамки, которые отделяют советский социализм «аморальный», от «морального», «бескультурного» от «культурного». Ибо пока нами, историками, не будет проведено этих рамок, никогда наша история в XX веке не будет признана ни «моральной», ни «культурной», а значит вся наша жизнь в ней будет муслироваться, как жизнью, испортившей жизнь всем остальным. Что сегодня и происходит. Это представляется истиной.

И, надеюсь, она, наконец-то, всех нас нашла! Враждебный мир, где вражда постоянно в состоянии анабиоза, периодически просыпается, чтобы сделать очередную попытку захватить ареал России. Единственное оружие против этого: осознание россиянами собственного духовного и нравственного превосходства, устойчивости психологии «русской души», «русского мира», «российской общности». И в XX веке социализма (СССР), несомненно, - тоже! (Маниным-Уральцем издана книга «История Москвы и Московской области в историях заводов» под «шапкой» «Истина нас наконец нашла», где последняя глава-приложение посвяще-

на выведении вышеуказанной авторской теоремы.

Глава 2

С естественным правом на учет социальной психологии труда

Необходимым для доказательства составляющих Закона исторического потенциала советских промышленных предприятий объектом исследования (можно сказать, в ряду необходимого первичного при выявлении закономерностей, процессов, явлений из области производственных отношений в среде коллектива советского завода) является учет психологии людей труда. А вместе с тем и - выявление меры культуры изучаемой общности (коллектива завода) в определенных рамках исторического процесса, чтобы лучше понять то, какую культуру советского социализма вынужден был выстраивать советский социализм в Советской России и СССР.

При этом, мы не имеем возможности не учитывать того, кем хотели себя представлять и видеть в тех условиях представители класса-гегемона. Это «класс» - трудящиеся крупных промышленных предприятий, на котором держалось всё, даже та советская культура, которая стала великим достоянием общей культуры мирового пространства.

Из источников археографии мы выбираем, как нам пред-

ставляется, наиболее удобный для анализа «исторического культурного потенциала советского труженика» труд Е. А. Климова и О. Г. Носкова «Культурно-исторические основы развития психологического знания о труде».

В работе рассматривается все то, что очень важно для понимания формирования психологического сознания советского рабочего, то есть коллективного сознания, которое формируется под воздействием противоречивых обстоятельств на советском заводе, где с одной стороны рабочий являлся не работодателем, но хозяином, а правительство – работодателем, но не хозяином, а с другой стороны обе стороны рассматривают деятельность друг друга как эксперимент.

В работе Климова и Носкова рассматриваются и анализируются темы: представление о труде и конкретная культурно-историческая эпоха - связь и взаимовлияние; история зарубежной психологии и социологии труда; психотехника и ее кризис; история отечественной психологии труда; культурно-исторический смысл возникновения проблемы профессионального самоопределения; общие тенденции в развитии представлений о труде.

Все темы очень важны, и, в принципе, они составляют полный набор вопросов, вполне достаточных, чтобы опереться на пройденный опыт изучения рабочего сознания, его психики, его мотивации работать в коллективном производстве. Этими вопросами занимаются многие ученые, но,

полагаем, достаточно выбрать хотя бы две наиболее важные работы, чтобы понимать историографию тематического материала и выразить к ней свое отношение, как к сумме археографического материала по рассматриваемым проблемам социализма вообще.

Авторы выделяют разные варианты отражения психологического знания о труде в неписанных функциональных средствах фиксации опыта, начиная от «мифологического» периода истории. Отмечается своя особая роль религии в формировании отношения людей к труду.

Нам особо важно рассмотреть позиции с точки зрения изучающих коллективный труд на промышленных предприятиях в условиях капитализма и условиях социализма. Главная идея капитализма, как считает М. Вебер, это представление о профессиональном долге. Идеал Америки – «кредитоспособный, добропорядочный человек, долг которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель», и этим определяется весь уклад жизни современного «цивилизованного человека». «Зарабатывание денег – мой долг, – пишет М. Вебер, – в этом моя добродетель и источник моей гордости и уважения ко мне со стороны граждан» (там же, с. 55). Эта позиция М. Вебера может быть взята нами как ключевая для того, чтобы принципиально противопоставить ей иную.

Идеал в СССР – способный выполнять необходимую для страны работу добропорядочный труженик, самоцель кото-

рого получить за свою работу не только заработную плату, которая объективно не может быть высокой, потому что не должна ставить большую материальную разницу между работниками, но и все блага развитого соцкультбыта, включая бесплатное жилье, комнату, квартиру плюс гарантию того же самого для своих детей. Долг рабочего советского промышленного предприятия – не отделяться от общего устремления коллектива изъять как можно больше задолженностей государства, не способного самому отдавать эту задолженность в области развития и полного удовлетворения социально-бытового строительства.

Возможно ли появление большого сомнения в этом взгляде на природу советского образа жизни? Да, но точно также как возможно большое сомнение и в характеристике американского «цивилизованного человека». При этом очень важно для поиска «золотой середины» в истине, «атома сущего» в исторической науке объединить в одно целое мотивации и взгляды на достойный образ жизни как досоветского российского рабочего, так советского российского рабочего. А также и иностранного несоветского рабочего согласиться со следующим пониманием жизни М. Вебера что «один из конституционных моментов современного капиталистического духа, и не только его, но и всей современной культуры – это рациональное жизненное поведение на основе профессионального призвания, возникающее из самого духа христианской аскезы». /Там же С. 69/.

Из чего мы можем сделать предварительное заключение, что чем бы ни руководствовались приходящие работать на советский завод, каким бы ни было влияние коллектива на формирование духа советского рабочего, все это делалось под влиянием объединяющего все и вся начала: главных христианских заповедей (или заповедей единого Бога), во многом отраженных в замаскированном виде в идеологии социализма.

Таким образом, рассматривая в мельчайших деталях природу социализма, изучая каждый «атом сущего» в этой природе, нам необходимо понимать, что следует искать в этой природе, а чего там попросту быть не может. Общая христианская культура советского народа, замаскированная под новую идеологию (при том, что в СССР имелась и Церковь, отделенная от государства) царства социалистической свободы, предполагала жить также достойно, как жили его «родители» и «праотцы», но лишь с той разницей, чтобы признать Христа как выдумку, а хорошие заповеди как свод очень хороших правил, которые, в принципе, надо выполнять любому «цивилизованному человеку», верит он в Бога или нет.

Эта постановка вопроса очень важна, чтобы все сказанное автором (А. В. Маниным-Уральцем) ниже не воспринималось как «выгораживание советского рабочего», но как «восхваление советского рабочего», достойного звания одного из самых цивилизованных, нравственных и культурных (хотя в общей массе рабочих выше среднего культурно образован-

ных) личностей в мире в период 1917-1991 гг.

В этот период на советском заводе сформировалась такая «цивилизация социализма», которая при условии, если бы удалось избежать противостояния СССР и Западного мира, включая фашистскую Германию, могла бы существовать сотни лет, оказывая самое благотворное влияние на мировое сознание.

В принципе, о том, какое положительное влияние оказала система социализма, ее завоевания на мировую современную цивилизацию, на цивилизацию западного капиталистического мира имеется много исследований. Такое воздействие на мировую историю могло оказать общество, состоящее из людей, где доминирующей стала «середина» - не слишком выдающиеся и не слишком далеко отставшие от выдающихся, о которой можно сказать, как о «золотой середине». Именно эта золотая середина и может служить объединяющим разные точки зрения объектом наблюдения и изучения, чтобы не обижать ни тех, кто больше за позиции богатых, не слишком-то мотивированных к труду, и ни тех, кто больше за позиции бедных, объективно очень мотивированных к труду.

Но в рамках данной работы не ставилось задачи противостоять взглядам не разделяющим оптимизма защитников социализма, как и разделяющим взгляды сторонников социализма. Тем более что некоторые оценки социализма со стороны его недоброжелателей могут показаться его ревните-

лям кощунственными и даже «чудовищными», учитывая и то, насколько нелюбовь к объекту исследования влияет на научные обоснования гипотез, идей и идеологий.

Наша точка зрения состоит в том, что изучение природы рабочего в дооктябрьский период и в период социализма оказалось настолько непосильной задачей, что решить ее в условиях советской власти попросту отказались. (Сыграла большую роль и идеологическая надстройка). Рабочие захватили власть, заводы, они стали, вопреки всем теориям марксизма, производить и воспроизводить наряду с продукцией и добавочную энергию, производящую и воспроизводящую соцкультбыт развитого мирового уровня, целые города.

При этом мы попытаемся проанализировать и то, что уже увидено учеными при изучении природы рабочего человека, и то, что, возможно, было выпущено из поля зрения, в т.ч. зарубежных и отечественных ученых историков и социологов, исследователей психологии и мотиваций рабочих и трудовых коллективов. У Е. А. Климова и О. Г. Носкова: «Традиционно само возникновение социологии управления традиционно связывают с именем американского исследователя Фредерика Уинслоу Тейлора. С его именем связывают качественный прорыв в изучении трудовой деятельности в условиях реального производства. Ф. Тейлор первым поставил на научную основу проблему управления людьми в условиях производства. Очень важно заметить, что если прежде говорили об управлении фабрикой как особой машины «машиной», а

еще раньше об управлении техникой, а уже на пороге XIX века и в начале XX века в качестве господствующих подходов – физиологические основы трудовой деятельности, то Тейлору удалось перейти к анализу трудовой деятельности в условиях конкретного производства и предложить практические рекомендации по оптимизации труда. При этом, ведь главная задача, выделяемая в системе Тейлора, это «обеспечение максимальной прибыли предпринимателя в соединении с максимальным благосостоянием для каждого рабочего».

Но все же это достаточно далеко от нашей позиции, с выделением принципа влияния мотиваций трудового коллектива на политику того же работодателя и экономическую политику государства.

Руководствуясь задачей объяснить форму отношений работодателям и рабочего в советском производстве, мы пытаемся проанализировать: какие, в принципе, рекомендации по оптимизации труда могли быть приняты, заимствованы, найдены идеологией власти потенциалу внутренних мотивов и мотиваций, стимулов и стимулирования труда советских рабочих. Например, вот фазы в эволюции взглядов Тейлора: система поштучной оплаты, главное инициатива работника и соответствующая этой инициативе заработная плата, а главный метод – хронометраж рабочего времени. Этот хронометраж полностью противоречит методике детерминации советского рабочего права, так как на советском предприя-

тии хотя хронометраж и являлся одним из инструментов повышения производительности труда, он был лишь основой одного из множества видов советского рабочего права. Это советское рабочее право на хронометраж, тесно связанный с видом рабочего права на пересмотр нормы выработки и снижения расценок. Но он весьма далек от множества других параметров, в т. ч. и от главного – производство и воспроизводство коллективной энергии, направленной ежедневно и ежечасно на производство и воспроизводство, наряду с основным видом продукции, социально-бытовой инфраструктуры мирового уровня.

Или по Тэйлору: контролем не за производительностью труда, а за самим методом работы определяется максимальная оплата за наиболее тяжелый труд и минимальная оплата за наименее тяжелый труд. Это также полностью противоречит методике выявления главных мотиваций в коллективе социалистического завода. Все, что рабочий понимал, как соревнование, рационализацию, почин - все это было связано с производительностью труда и контролю за его достижением. А вот метод работы контролировать было нельзя, так как это разрушило бы социалистическую систему хозяйствования.

Третья фаза по Тейлору: вместо концентрации управления в одних руках - система «функциональной администрации», состоящая из нескольких, например, из восьми мастеров «супервайзеров». Все это предполагало выделение в тру-

довом процессе определенных элементов по критериям затраченного времени, трудоемкости работ, качеству исполнения и т. п., что само по себе являлось научным анализом трудовой деятельности.

Однако в практике социалистического завода указанные определенные элементы во многом связаны с другими элементами, и они, неся противоречия каждый в себе в отдельности, углубляют анализ противоречий при сопоставлении элементов, например, - вид рабочего права на сокращение рабочего времени, рабочего права на повышение производительности труда и т. д. При этом мы нисколько не сомневаемся, что в практике капиталистического производства все было так, как видели Тейлор и его последователи.

Важно не противопоставить методы работы, они и должны быть разными, так как метод исследования диктует наличие тех или иных источников, ни понятия, так как они суть заложенных в них фактов и явлений, а потому разные в разной обстановке и в разное время. А - указать, что в производстве завода, вообще, со всем набором потенциала и ресурсов за исключением трудовых ресурсов, в какой бы части земного шара ни находился и в каком бы времени – имеется примерно один набор технико-технологических и нормативно-правовых понятий.

Но имеется значительная разница в области социально-психологических понятий. Например, если на капиталистическом заводе вина рабочего за его неудачи в жизни, в

работе лежит на нем самом, даже если капиталист и прибирает к своим рукам, условно, прибавочную стоимость, то при социализме рабочий живет в постоянном осознании, что собственной вины в его неудавшейся или трудной судьбе очень мало. Он имеет очень мало свободы жаловаться на свою судьбу, так как его судьба очень схожа с судьбами многих людей, но зато имеет огромную свободу передвижения по стране, выбирать любую работу, неоднократно менять место работы, потому что перемена места работы не уменьшает его рабочего стажа, гарантирующего права на получение полного набора социальных благ, а также и бесплатного жилья, отдельной квартиры: есть трудовая книжка, есть стаж, есть добрые отзывы от общественных организаций, с места работы – обеспечены гарантии социализма везде!

Таким образом, наш метод не предполагает только противопоставлять родные понятия, имеющие практическую реализацию в виде права в капиталистическом и социалистическом производствах. Вместе с тем, например, главную задачу, выделяемой в системе Тейлора - «обеспечение максимальной прибыли предпринимателя в соединении с максимальным благосостоянием каждого рабочего» можно воспринять как положение, близкое к разработанному виду рабочего права на обеспечение прибыльности предприятия или рабочим правом на оборачиваемость оборотных средств; но это не будет противоречить главной задаче соискателя – доказательства обеспечения максимальной выго-

ды каждого рабочего от своего завода с любой степенью рентабельности, - хотя достижение стабильной прибыли, естественно, и повышало скорость приобретения элементов соцкультбыта.

Выделены четыре основных принципа системы Тейлора. Первое: обобщение и классификация умений и навыков всех рабочих. Второе: тщательный отбор на основе установленных признаков. Третье: административное осуществление «сердечного сотрудничества» с рабочими, например, с помощью ежедневных надбавок за скорую работу и т. п. Четвертое: почти равное разделение труда и ответственности между рабочими и управляющим.

Как видно, ничто человеческое не чуждо и капиталистической системе хозяйствования. Все четыре основных принципа могли бы быть взяты в систему всех основных принципов социализма. Все это в той или иной степени связано с проявлявшимися на советском предприятии видах советского рабочего права: права на научную организацию труда, права на хронометраж, права на рациональную расстановку станков по группам мощности или по видам моторов и приводов, права на рациональную загрузку рабочего места, а также права на мудрого руководства или права на «красного директора» (начальника цеха, старшего мастера) или права на дополнительную премию за вскрытие дополнительных резервов производства или труда...

Однако детерминация этих явлений и дает проявление их

как видов советского рабочего права при условии вскрытия противоречий (то, что декларировалось «сверху», и что на-
яву делалось «внизу»), что вовсе не предусмотрено методом
Тейлора. И в этих противоречиях обязательно должно быть
то, что «внизу» - максимально выгодно рабочим, что делает
их труд привлекательным.

«Примечательно, - отмечают авторы,- что еще В. И. Ле-
нин, немало сделавший для создания отечественной психо-
техники, говорил о системе Тейлора как об «утонченном
зверстве буржуазной эксплуатации», но одновременно и как
о «ряде богатейших научных завоеваний», а также считал,
что необходимо «использовать все наилучшие приемы, ко-
торые выдвигает эта система, что «без нее повысить произ-
водительность труда нельзя, а без этого мы не войдем в со-
циализм» /цит. По Кравченко Ю. С., с 93/. Ссылаясь на В. И.
Ленина, мы тем не менее должны предположить, что В. И.
Ленин не имел в виду, что социализм это советская власть
плюс полезный «ряд» системы Тейлора. Думается, в виду
имелась, конечно, польза от ознакомления с опытом иссле-
дованием проявления психики, мотиваций рабочих на заво-
дах и фабриках за рубежом. Но В. И. Ленин не имел воз-
можности глубоко вникнуть в природу советского рабочего,
хотя, как и К. Маркс отдавал бы должное очень важному в
коллективной рабочей среде – энергии масс, дающей при-
бавочный социальный продукт и социальную сверхприбыль:
производство и воспроизводство наряду с основной продук-

цией социально-бытовой инфраструктуры городского типа «мирового уровня» услуг, имея в виду большой набор услуг при удовлетворительном качестве.

Это можно было бы увидеть по крайней мере во второй половине 1920-х гг. и особенно в 1930-е и последующие годы. К. Маркс выражался вполне определенно о категориях «производство» и «воспроизводство», но он, конечно, не мог иметь в виду, что в России все это обретет форму, в т. ч. – производства и воспроизводства социальной жизни советскими «непокорными» коллективами за счет исторического потенциала двигающей к этому энергии естественных (и психических) запросов.

Таким образом, надо различать: систему Тейлора в узком смысле как совокупность эффективных методов, принципов и взглядов на организацию труда и в широком смысле как социальное явление, определенный подход по извлечению максимальной прибыли с использованием передовых достижений науки.

Как это было бы верно, если бы имелась в виду прибыль в карман рабочих, тем более сверхприбыль, но на капиталистическом заводе для кармана рабочего ее не было. А на советском заводе рабочий прибыль и сверхприбыль для себя лично создает, имея возможность постоянно «забирать» ее у государственного завода! Отдавая энергию энтузиазма, над которой так долго надсмехался Запад. В работе о Тейлоре можно было бы рассмотреть вопросы, какие приемы «психо-

техники», чтобы наладить работу на предприятиях, брало на вооружение государство. Но скажем лишь, что эти попытки не увенчались успехом: они не встретили поддержки со стороны рабочих теоретически, да и практически проявлялись с большим скрипом.

Мы, таким образом, имеем шанс позиционировать данную гипотезу для широкой мировой общественности через доказательства исторического закона, той величины истинности в мировой исторической науке, которую не смогут отрицать даже самые ярые хулители советского социализма. Но и они всегда найдут повод, чтобы подставить под сомнение даже открытый закон, если он не согласуется с их представлением о ценностях жизни и методах достижения своих личных целей.

На этой практике, как позиции, стоят многие политики, политологи и политтехнологи в процессе развития современной сверхмощной цивилизации Запада, в первую очередь США. Тем более, как подмечено Коломийцевым (работы по методологии истории), «Если история и не точная наука, то вопрос о ее правдивости ставится только в том случае, когда она отрывается от бесспорных данных. В таком случае возникает опасность умышленной фальсификации. Истинность исторического знания подтверждается совпадающими оценками многих исследователей. Одна из высоких гражданских целей исторической науки состоит в развенчании разного рода мифов, которые появляются в особенности

в поворотные моменты общественного развития». И даже в этом замечании «слабыми сторонами» для недоброжелателей становятся и понятия «беспорных данных» (что такое «беспорные»? Среди русских ученых? А если не среди русских?..), и что значит «совпадающими оценками многих исследователей» (насколько многих, чтобы, наконец, весь мир признал их теми самыми «беспорными»?.. Вопросы, безусловно остаются.

Но все же, наконец, и русские историки гуманных концепций советского социализма могут дышать свободнее, ощущая, что многие точки соприкосновения на природу, по крайней мере, потребления и распределения материальных благ в обществе «поровну», «по справедливости» и т. п. в обозримом будущем могут быть найдены. И сообща можно будет решать «общие задачи человечества» в братском союзе хотя бы относительного единомыслия (к примеру, какое находится в конфессиях союза христиан, где невозможно ставить под сомнение Библию, Новый Завет, Предание...) Все чаще в поле анализа два ключевых понятия: понятие потребностей и понятие ограничений. С одной позиции, в частности, требуется изменения содержания роста, чтобы он был менее материалом - и энергоемким. /У Коломийцева/. С позиций «христианского» концепции необходимости заботы о душе любого человека, о ее здоровье, что достигается потреблением разумного необходимого, воздержанием от излишнего потребления чего бы то ни было, так ли уж утопич-

ны (и по крайней мере, вовсе не бессмысленны) были идеи «утопистов», социалистов, коммунистов, всех призывавших сдерживать барские аппетиты.

Сегодня в странах Запада бросило вызов «обществу потребления» движение экологов (иное наименование индустриального и постиндустриального общества), противопоставляя стремлению «иметь больше» желание лучшего «качества жизни», а экономическому росту – социальный прогресс как главный приоритет. Экологи требуют отказа от «престижного потребления» в пользу «добровольной простоты». Их девиз: пусть будет меньше денег, меньше потребительских ценностей, но зато больше досуга, больше возможностей для самореализации личности и участия в общественной жизни. /Наше будущее. (Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию). М., 1989. С. 58/ И это становится крайне актуально. По данным генерального директора ЮНЕСКО Ф. Майора, 20% населения мира (а это не что иное, как «золотой миллиард» граждан западных и некоторых индустриальных стран) живет за счет 80% его ресурсов. /(Майор Ф. Новая страница. М., 1994. С. 85.)/

Это, с одной стороны, указывает на разницу в уровне жизни, а с другой, - на несправедливость. И именно так должна трактовать данный факт гуманитарная историческая наука. Она обязана препарировать историю для выявления позитивного и негативного в каждом опыте минувшего – и в

процессе капитализма, и в процессе социализма, при этом пытаясь обосновать главный прогноз: в будущем не может быть ни капитализма современного образца, как способного обеспечить интересы лишь – условно - 20% населения мира, ни советского социализма, исчерпавшего ресурсы дешевой рабочей силы из села ради индустриализации, и попутно, решая глобальные задачи, обескровившего село до глобальной демографической проблемы.

Но все же будущее если за капитализмом, то с социалистическим лицом – например, госкапитализмом, или же будущее за социализмом, но с буржуазным уклоном, где стимулом к активности и энтузиазму масс служит право на частную собственность, включая орудия производства излишнего для семьи продукта с целью продажи и приумножения богатства семьи. В том числе к тому социализму, где каждой новой семье будет по закону полагаться отдельная благоустроенная квартира, что не случайно декларировалось при советском социализме со стороны власть имущих неоднократно. Доктор технических наук А. П. Федотов писал: «При прекращении экономического роста капиталистический способ хозяйствования становится ненужным. Более того, капиталистический механизм умножения прибыли, капитала и материального богатства, непременно работающий за счет разрушения Земли, становится опасным для человечества». /Федотов А. Устойчивое развитие и его место в общей истории развития человечества. «Диалог», 1996, № 9.

Разве такая концепция, постановка такого вопроса, к примеру, ведущей политической партии в Российской Федерации не могла бы быть воспринята как разумная, хотя и не быстро исполнимая?! Почему же не принять как должное, что народ в 1917 году поддержал лозунги на снижение аппетита, против страсти потреблять, против ига эго-потребительства», лозунги за духовное развитие, за борьбу против тех, кто хочет жить по-другому (эгоистически), не жалея ни природных ресурсов, ни людей, ни матушки-земли?

Данный же автор отмечал: «Встраивая экономики России, в прошлом социалистической, управляемой, плановой, в нынешнюю мировую экономику, капиталистическую, неуправляемую, стихийную, разрушительную из-за игнорирования конечных ресурсов Земли, противоречит науке, логике, интересам будущих поколений всех континентов и, учитывая трагические последствия для всего человечества, несет в себе печать безумия». /Там же. С. 82./

Бытуют и другие мировоззрения в отношении общественной самоорганизации цивилизации XXI века. Сотрудник Стокгольмского университета Трифон Костопулос считает, что власть Ноуса (знание) и Номоса (закон) над природой и обществом будет абсолютной. Согласно его видения, на смену капитализму придет «номократия» - новое общество, центральным элементом которого станет интеллект. (Имеется в виду, как бы, Тоталитарный Закон). Появление номо-

кратии, по мысли данного сотрудника, будет означать поворот в производстве и в общественных отношениях.

Основные элементы капитализма и «антикапитализма» становятся бессмысленными и ненужными, и они исчезнут. Радикально меняется характер и особенности собственности. При номократии оно превращается в коллективное обладание правящим классом формулами знания. Однако классовое деление сохраняется. Человеческие потребности и способности станут объектами научных достижений. В результате каждый член общества получит все ему необходимое в соответствии с коллективными возможностями. Таковы теории. Но, все же, - ближе опыт. И наш родной опыт высоко нравственной жизни в системе социализма советского типа.

Существующие формы социализма совершенствуются в Китае, Вьетнаме, Северное Корею и на Кубе. «Новый социализм» может возродиться в России. Как справедливо отмечал доктор юридических наук Б. П. Курашвили, «несколько тысячелетий господства частной собственности отмечено громадным, но односторонним прогрессом: скачком в технологии производства, в разнообразии, массе, качестве производимых продуктов и услуг – и деградацией личности человека и социальных отношений, разрушением окружающей среды». /Курашвили Б. П. Новый социализм (К возрождению после катастрофы). М., 1997. С. 95./

Если опыт социализма,- говорит Коломийцев,- сделал ре-

альностью представление о социальной справедливости, то всемирное экологическое движение объявило безусловным приоритетом политику ответственности перед грядущими поколениями. В XXI в. человечество будет решать непростую задачу выживания. Вот почему концепция мировой цивилизации по необходимости должна будет включать понятия Свобода, Равенство, Братство, Справедливость, Ответственность. Разумеется, не все политические, социальные и экономические силы примут безоговорочно эту концепцию. Но левые политические силы, выражающие интересы большинства трудящихся, могут написать ее на своем знамени.

Как утверждают психологи, счастье людей вовсе не связано с потреблением или не только с потреблением: оно определяется прежде всего удовлетворенностью семейной жизнью, своей работой, дружбой, полноценным досугом.

Развитие человечества в XXI в. во многом будет определяться тем, какая тенденция будет преобладать в общественном сознании – индивидуализм или коллективизм. /Там же/.

Таковы прогнозы. И эта сфера по вполне объяснимым причинам остается одной из наиболее интересных. Во многом помогает исследовать ее социология.

Глава 3

Роль социологии в объяснении потенциала истории и практики жизни

Стремление разобраться в истинах будущего ведет необходимость углублять познания в исторической науке. Но это не означает - «усложнять» познания, т. е. до бесконечности давать явлениям и процессам одну характеристику за другой, систематически как бы пугая самих себя (что историческая наука, в принципе, до конца не познаваема, так как не является «точной наукой»), а - означает «упрощать». Точнее – стараться, все же, уместить ее в рамки, как Д. И. Менделеев уместил в рамки свою периодическую систему химических элементов, оставив место лишь для немногих неоткрытых из них.

В принципе, историческая наука доказала свою состоятельность именно тем, что ревностно борется за свои границы, не посягая на чужие территории. Однако время от времени границы размываются, сливаясь с другими науками, возникает что-то новое, к нему привыкают, дают название; затем границы уточняются, возникают новые параметры познаний. И так до следующего особого случая, который является скорее исключением из правил, чем правило.

Но в любой науке появляются все новые направления.

Итак, знакомства с новыми научными познаниями, новыми направлениями в науке, с самой наукой неизбежны и необходимы, и это начинается с расшифровки, анализа ключевых понятий, категорий, методов, основных законов. Является необходимостью анализ и всех новых направлений на

пути к познанию, к новой науке, когда они выявляются в результате новых теоретических или практических открытий. Для получения многих «общих» ответов «для большинства» требуется усилие различных наук. В том числе фундаментальных и развивающихся, «молодых». И не случайно существуют науки, которые как бы и были созданы для того, чтобы объединить под своим флагом усилия исследователя разных научных направлений.

Такой наукой и является социология, особенно важная для углубления понимания, например, того, что пытается раскрыть и почти бессильна доказать без ссылок на социологические факторы историческая наука. Среди наук об обществе она одна из первостепенных, хотя и относительно молодых. И она, на наш взгляд, является одной из ключевых при использовании в попытке доказательства Закона исторического потенциала советского промышленного предприятия, суть которого – в том, что общество при социализме могло развиваться и развивалось по строго определенной исторической схеме, возникшей в процессе опыта (верификации) советского социализма.

То, чего не сумели учесть основатели социологии, пытается понять и сформулировать современная наука социология. Это одна из самых быстроразвивающихся наук. «Ее методы, инструментарий берут на вооружение другие науки об обществе – экономика, право, демография. Среди них социология начинает играть примерно ту же роль, которую вы-

полняет математика в естественных науках, так как социологические методы позволяют давать точные количественные оценки многих процессов общественного развития».

Социология как наука может быть рассмотрена с позиций объекта социологии и предмета социологии. Объектом социологии являются: общество как целостная социальная реальность, социальные организации, социальные институты, социальные взаимодействия, социальные явления, социальные процессы, социальные отношения, социальные общности, социальные субъекты. Все они так или иначе, как определенные категории в исследовании А. В. Манина-Уральца, имеют свое определенное место, и потому среди методов исследования социологические тоже имеют свое место. Предметом социологии можно считать: систему существенных свойств и законов, характеризующих бытие объекта социологии, его внутреннюю определенность, т. е. способ существования и механизм проявления и функционирования социальных явлений, социальных процессов и отношений. Все это в той или иной степени также является темой данного исследования (условно, - «Теоремы Пункаре в истории» – теоремы А. В. Манина-Уральца»), поэтому необходимо подробнее указать на важнейшие составляющие социологической науки, позволяющей историкам смелее судить о различных факторах обществоведения.

Собственно, социология – слово, из латинского «социо» и греческого «логос», то есть наука или учение об обществе.

Термин «социология» ввел в научный оборот Огюст Конт в работе «Курс позитивной философии» в 1842 году. Конт придерживался принципа «порядок и прогресс», который он понимал по аналогии с физикой как симметричность и уравновешенность всех структурных элементов общества, а социологию, как источник знаний об обществе, которая необходима, прежде всего, для оптимизации отношений между людьми.

Несмотря на то, что аналогией служила физика, на наш взгляд, Конт точно предчувствовал, что есть мельчайшие, возможно и неделимые исторические величины – понятия, категории, формы, «атомы сущего» в общественной науке, которые мы разбираем в рамках данного исследования, как явления в жизнедеятельности советского завода, анализируя каждое методом детерминации каждого из этих специфических явлений методом анализа заключенных в них противоречий философского, эстетического, психологического, психического порядка. Под понятием «атомы сущего» в истории, по крайней мере в течение одного исторического процесса социализма 1917-1991 гг., мы не имеем в виду, конечно, знаковые понятия, как буква, цифра, число. Но его «порядок и прогресс», как магический призыв, поневоле ведут в область открытия нового явления на стыке точных и общественных наук, когда откроется, что, например, в исторической науке возможно значительно, если не кратно и многократно сузить область дискуссий, если облечь множество

понятий исторической науки до зафиксированных, как формула или число «единиц предмета» в рассматриваемом объекте. Тогда бы, например, исследование по истории советских предприятий периода 1917-1991 гг. (когда их накопилось очень много, а таких историй повторено более быть не может, поскольку с арены ушел последний участник и свидетель исторических событий) в случае обобщения их можно было бы признать ее «исторической единицей предмета» - ИЕП обобщенная история завода – ИЕП ОИЗ.

Если наше доказательство о факторе Закона исторического потенциала промышленного предприятия СССР получает признание, оно также получает знаковый статут ИЕП, а полностью - ИЕП ЗИППП СССР. Каждый из рассмотренных и проанализированных видов советского рабочего права, поскольку характеризуется и доказывается благодаря некоей формуле, по совершенно идентичной схеме, также получает свой статус ИЕП рабочего права (например) на многостаночное обслуживание – ИЕП РП НМО.

Таким образом, своим исследованием в рамках данной диссертации мы, по крайней мере, разрабатываем в общей истории советских заводов, собранных и написанных во время их обсуждения и утверждения участниками и свидетелями исторических событий, получаем несколько ключевых ИЕП: обобщенная история советских заводов; советское рабочее право; исторический потенциал промышленного предприятия, закон исторического потенциала промыш-

ленного предприятия СССР.

Каждая из этих ИЕП может быть заложена в общую базу данных изучения ИЕП СССР. В каждой есть свои ИЕП уже данного предмета. Например, обобщенная история заводов включает, скажем, 50 историй, достаточных, чтобы они имели все принципиально повторяющиеся признаки при создании подобных историй какими бы то ни было авторами; обобщенная история включает определенное временное количество эпох социализма, пятилеток, более мелких этапов развития или тематическое количество явлений. В сумме единиц советского рабочего права мы имеем, допустим, 15 000 детерминированных единиц (оставляя немного место для некоторых, не изученных или мало изученных). В ИЕП ИППП – историческом потенциале промышленного предприятия имеем сумму понятий, как слияние пространственной целостности периферии с центром, разнообразные ресурсы, способность возникновения населенных пунктов городского типа вокруг заводов, сумму видов советского рабочего права. В ИЕП ИППП СССР включены все вышеперечисленные ИЕП. Как указано, вероятность этого заложена в признании данных ИЕП со стороны исторической науки, как должны, на наш взгляд, быть признаны ИЕП много раз перемалываемые на жернове дискуссий совершенно очевидные вещи – например, был бы Октябрь если бы не было Февраля? И т.п.

Ведь кто-то неоднократно доказал, что без Февраля не бы-

ло бы и Октября. А тех, кто доказывает обратное – в сравнении, совсем ничтожное число. И они имеют право дискутировать о чем угодно, и их можно замечать или не замечать, но 100% можно пользоваться математической базой данных всех известных мини и макро исторических явлений, неизбежно приводящим к тем-то событиям, процессам. (И, кто знает, - может, даже к повторению фактов. Фантастично? Но в любой настоящей науке много того, что кажется или является фантастическим! И все, что «фантастично» - является предметом изучения минимума исследователей. И такие астрономы, например, при этом не мешают нам верить, - и проживать всю жизнь в убеждении, - что планеты упорядочились вокруг солнца стихийно, а не согласно алгоритму; или не знать Предела Роша - величины, ближе которой планетам не следует притягиваться друг к другу; что в ананасе есть «золотое сечение», числа Фибоначчи, а в подсолнухе фрактал; что в круге есть «пиэрквадрат» и т. п.)

Историческая наука накопила огромный арсенал истинных знаний, которые имеют правило быть защищены, отделены от тех, которые, возможно, должны быть упоминаемы, как исключение из правил.

Есть ли вероятность, что «опальные» «соображения» могут оказаться более истинными, чем те, которые вышли в «номенклатуру»? Есть, но эта «ничтожность» не должна занимать столько времени, сколько отнимает сегодня, занимая главные часы телевизионного эфира, чтобы «запудрить»

мозги миллионам людей. Ведь как бы устали люди, если бы философы-математики ежедневно в разных передачах утверждали, что дважды два не четыре, потому что все же в ежедневной практике социальной жизни людей это все же 4!

О. Конт считал, что новая наука должна рассматривать общество как структурный организм, в котором каждую клеточку нужно исследовать с точки зрения общественного блага. Но оставляя вопрос об «общественном благе», чтобы не утонуть в потоке мнений на этот предмет, – что считать благом, а что нет, и смотря для кого и т.д., - отдадим должное призыву исследовать каждую клеточку.

Эта клеточка в организме истории социализма СССР, возможно, найдена, если признать, что ею является каждый детерминированный вид советского рабочего права. Этому в трудах автора (А. В. Манина-Уральца) посвящено очень много исследовательского материала, он не только пронизывает всю структуру доказательств, но и выделяется методологически. Примерно, 10-20 тысяч видов советского рабочего права являются, по сути, 10-20 тысячами единиц исторических микроявлений, условно, - клеток общего тела – исторического эпохального явления социализма советского образца. Мы не следуем вслепую за Контом и его последователями, мы лишь идем к возможности понимания: возможно ли в принципе прийти, наконец, к консенсусу в исторической науке, чтобы «позитив» восторжествовал? Большого научного следа в социологии О. Конт не оставил, но чрезвычай-

чайню важна его мысль о том, что наука об обществе должна основываться на позитивных фактах, строиться по примеру наук естественных. Не случайно социологию вначале называли социальной физикой!

Является ли выявление главной энергосоставляющей «атома сущего» в детерминации видов советского рабочего права (противоречий между декларируемым государством и возможностью точного исполнения поставленных верхушкой власти задач, установление наряду с государственными и своих, внутренних, официально не озвучиваемых законов коллективов заводов) позитивным фактом с точки зрения морали? Не является ли система доказательств этого очень сомнительного с точки зрения морали и этики явления в СССР (по сути – всего характера бытия трудового народа в СССР и, значит, почти всего советского народа) вполне допустимой, если отбросить декларации и оставить законы, сформированные в самих трудовых коллективах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.